Трояновский

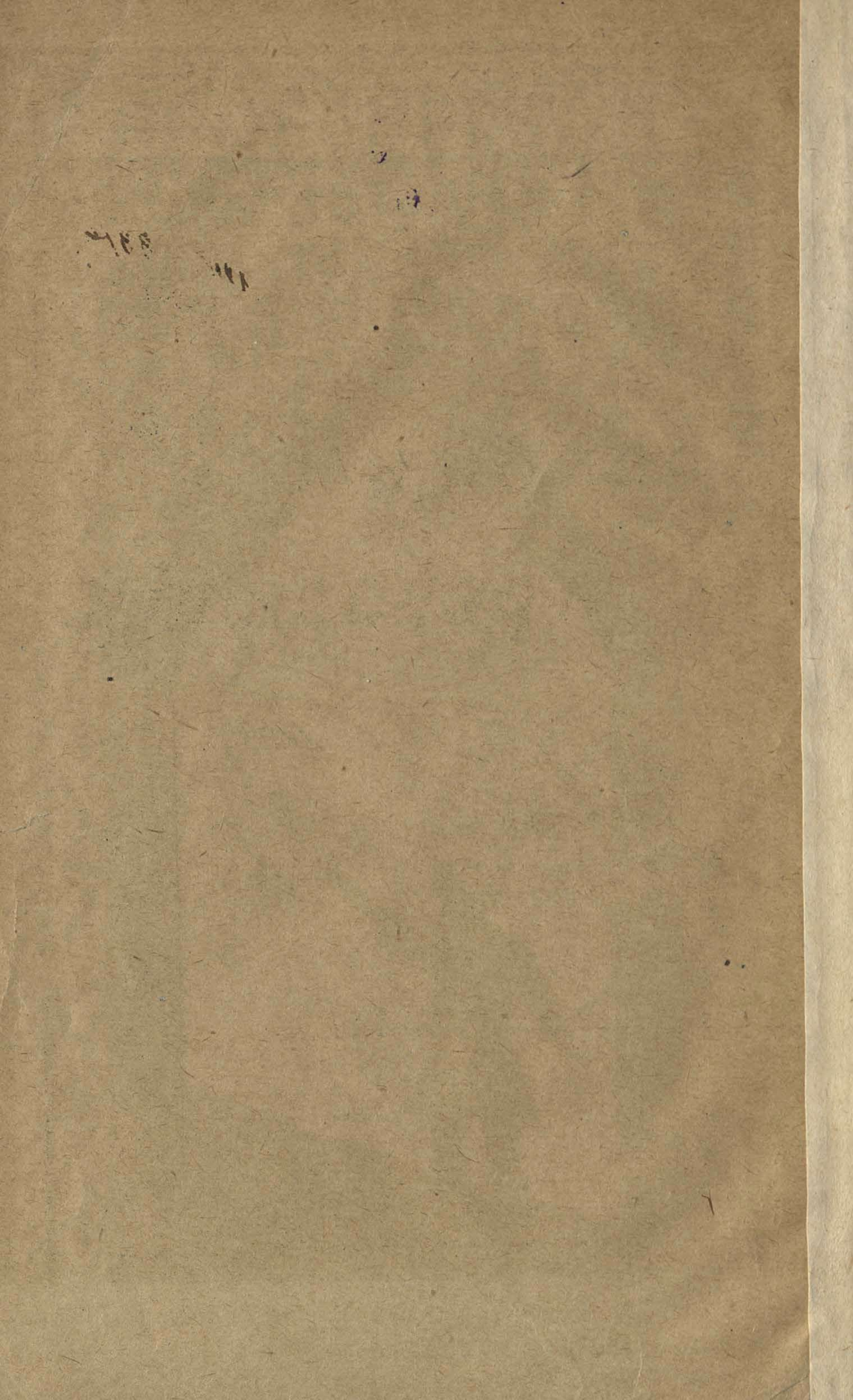
Восток и Революция

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИ

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

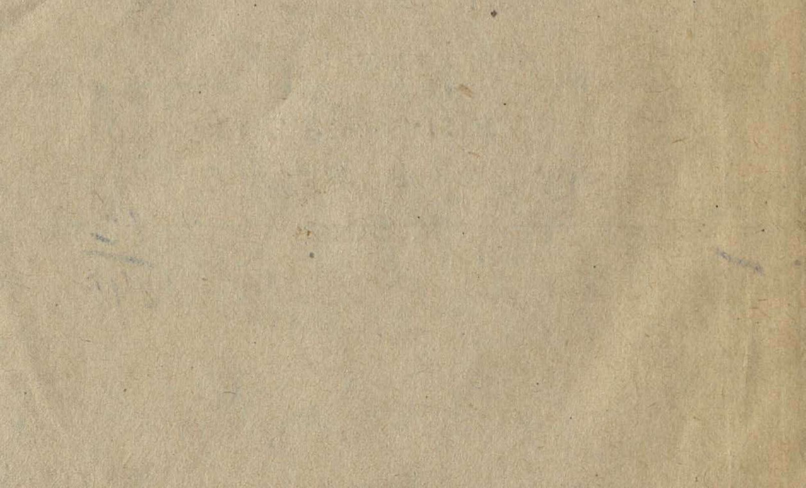

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ Р., С., К. и К. ДЕПУТАТОВ.

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и списка	
5						71	22/940	

Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

К. Трояновскій.

Востокъ и революція.

Попытка построенія новой политической программы для туземныхъ странъ Востока—*Индіи, Персіи и Китая.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго
Комитета Совѣтовъ Р., С., К. и К. Депутатовъ.
МОСКВА—1918.

Типографія „АТИДЪ“.

Москва, Лялинъ пер., д. 19.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Круто повернувъ влѣво, въ сторону Соціализма, возставшая прежде другихъ воюющихъ державъ, великая Россія очутилась въ очень тяжеломъ международномъ положеніи: порвавъ со всѣми своими старыми «друзьями» на Западѣ, она пока еще не получила оттуда поддержки возставшаго рабочаго класса. Ставъ въ полную и непримиримую оппозицію къ буржуазной «Европѣ» и вышедши изъ ея состава не только военно-стратегически, но и политически, она оказалась совершенно изолированной, и всю неравную борьбу съ прогнившимъ насквозь, но еще упорнымъ міровымъ капитализмомъ и прежде всего съ имперіализмомъ Запада, она вынуждена принять исключительно на себя.

Такое единоборство можетъ стать роковымъ для соціалистической революціи, которая можетъ побѣдить только въ міровомъ масштабѣ, а изолированная— она должна трагически погибнуть. Какъ возникла война и ведется въ міровомъ масштабѣ, такъ и революція, вспыхнувшая въ какой-либо воюющей странѣ, благодаря особеннымъ условіямъ современнаго развитія, мыслима тоже въ широкихъ рамкахъ международности. И поэтому ограничиться собственной лишь территоріей означало-бы для русской революціи рано или поздно задохнуться въ окружающей ее атмосферѣ вражды или индифферентности.

Но на какія же реальныя силы, кромѣ собственныхъ, внутри ея лежащихъ, можетъ, однако, разсчитывать наша революцію, такъ гордо и увѣренно объявившая войну войнѣ? Гдѣ тотъ болѣе надежный міръ, на который миролюбивая и соціалистическая Россія скорѣе можетъ положиться, нежели на прогнившую и запутавшуюся въ противорѣчіяхъ Европу?

Нисколько не отрицая того, что этотъ міръ живъ и внутри самой Европы, въ сердцахъ и умахъ наилучшихъ ея сыновъ т.-е. въ интернаціоналистически настроенной части пролетаріата и среди національно-угнетенныхъ народовъ Европы, мы, однако, полагаемъ, что стремиться *расширить* сравнительно тѣсный кругъ какъ Интернаціонала, такъ и угнетенныхъ народностей, населяющихъ другія страны свѣта, кромѣ Европы, является прямой нашей обязанностью передъ міромъ и исторіей.

Наша интернаціональная оріентація должна какъ можно быстрѣе распространиться и на огромный и многомилліонный Востокъ, сугубо заинтересованный въ уничтоженіи имперіализма и національнаго угнетенія. Въ своей внѣшней политикѣ мы должны оріентироваться не только на пролетарски-соціалистическій Западъ, но и на національно-освободительный и на аграрно-соціалистическій Востокъ.

Но такое движеніе, которое, въ концѣ-концовъ, привело бы, на почвѣ уже чисто аграрной, къ *сліянію* Запада съ Востокомъ, фактически исходитъ пока только изъ Россіи, не взирая на всю тяжесть ея международнаго положенія. И это движеніе должно вести борьбу съ имперіализмомъ на двухъ фронтахъ: на фронтѣ *соціальномъ*, тамъ, гдѣ этотъ фронтъ очень силенъ, и на фронтѣ *національномъ* тогда, когда соціальное движеніе еще не созрѣло и уступаетъ въ силѣ національному. Первымъ фронтомъ особенно сильна Европа, Западъ, вторымъ—преимущественно Азія, Востокъ. Россія однимъ своимъ взоромъ какъ бы обращена на Западъ, другимъ—на Востокъ и, такимъ образомъ, олицетворяетъ собою борьбу съ міровымъ имперіализмомъ, о которой было упомянуто выше, на два фронта сразу. Миролюбивая во-внѣ и революціонная внутри, Совѣтская Россія должна поэтому стать авангардомъ не только западной европейской, но и азіатской революціи. Расположенная между двумя огромными мірами—между Европой и Азіей—она можетъ и должна стать не только идейнымъ, но и организаціоннымъ центромъ Всемірной Революціи.

Уже изъ этого одного видно, какое огромное и даже исключительное значеніе долженъ пріобрѣсть въ нашихъ глазахъ вопросъ о туземной политикѣ,—этотъ жизненный нервъ вся-

каго имперіализма, играющій въ современномъ капиталистическомъ обществѣ исключительную роль. Въ своемъ капитальномъ сочиненіи «Финансовый капиталъ» Гильфердингъ характеризуетъ эту роль слѣдующими, почти классическими словами:

«Ввозимый въ новыя страны финансовый капиталъ усиливаетъ въ нихъ внутреннія противорѣчія, вызываетъ постоянно растущее сопротивленіе народовъ, пробуждая ихъ къ *національному* (курсивъ мой. К. Т.) самосознанію противъ пришельцевъ. Сопротивленіе это можетъ легко выросги въ опасныя мѣры, направленныя противъ иностраннаго капитала. Она въ корнѣ революціонизируетъ старыя соціальныя отношенія; разрушается тысячелѣтняя аграрная обособленность внѣ историческихъ націй; онѣ вовлекаются въ водоворотъ капиталистическаго развитія. Самъ капиталъ даетъ мало-по-малу покореннымъ средства и способы ихъ освобожденія. И они выдвигаютъ ту цѣль, которая нѣкогда представлялась европейскимъ націямъ наивысшей: *созданіе единаго національнаго государства, какъ орудія экономической и культурной свободы* (Курсивъ мой. К. Т.). Это движеніе къ независимости угрожаетъ европейскому капиталу въ его наиболѣе цѣнныхъ областяхъ эксплуатаціи, сулящихъ наиболѣе блестящія перспективы, и онъ въ состояніи удерживать свое господство лишь путемъ постояннаго увеличенія своихъ военныхъ силъ».

Какою же должна быть туземная политика съ точки зрѣнія тактики соціализма? Затѣмъ, туземная политика отвѣчаетъ интересамъ русской революціи, фактически совпадающимъ по своему содержанію съ интересами міровой революціи вообще? И, наконецъ, какая туземная политика отвѣчаетъ интересамъ самой туземной демократіи, самихъ угнетенныхъ народовъ Востока?

Въ такъ-называемой «колоніальной» политикѣ вообще приходится различать двѣ стороны: въ болѣе узкомъ пониманіи слова «колоніальная» политика означаетъ эксплуатацію и монопольное господство одной сильной націи надъ другой, слабой, и обогащеніе и расширеніе болѣе «передовой» на счетъ болѣе отсталой, преимущественно аграрной страны. Въ данномъ случаѣ вопросъ рѣшается исключительно военной силой и политическимъ насиліемъ, а въ болѣе мягкой формѣ—эконо-

мическимъ и торговымъ порабощеніемъ. Это—двуединый путь воинствующаго и либеральствующаго имперіализма.

Въ смыслѣ же болѣе широкомъ «колоніальная» политика должна обозначать свободный обмѣнъ народовъ своими натуральными и обработанными продуктами исключительно на основѣ естественнаго раздѣленія международнаго труда.

Итакъ, въ этомъ важномъ, чуть-ли не міровомъ вопросѣ, изъ-за котораго собственно и загорѣлся весь сыръ-боръ войны, необходимо рѣзко отличать форму отъ содержанія, соціологическую сущность—отъ исторической обстановки, постоянный экономическій законъ—законъ взаимной выгоды—отъ преходящаго соотношенія военныхъ и политическихъ силъ. И поэтому исторически *мертвымъ* и преходящимъ является политика имперіализма по отношенію къ туземцамъ, но соціально-постояннымъ, вѣчно *живымъ* будетъ соціалистически оріентированная «колоніальная» политика, отстаивающая равенство условій существованія и развитія *всѣхъ* народовъ, какъ отсталыхъ, такъ и передовыхъ, какъ малыхъ, такъ и большихъ. Туземная политика въ подлинномъ, т.-е. соціалистическомъ, смыслѣ тождественна, такимъ образомъ, съ свободнымъ міровымъ товарообмѣномъ, основаннымъ не на монопольномъ присвоеніи продукта чужого національнаго труда, а, какъ уже было сказано, на принципѣ естественнаго раздѣленія международнаго труда.

Такова вкратцѣ наша общая точка зрѣнія на сущность «колоніальнаго» вопроса, стало-быть—и восточнаго вопроса вообще. Это—точка зрѣнія вполнѣ послѣдовательнаго и истиннаго демократизма.

Къ чему, однако, приводитъ на практикѣ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи такая общая точка зрѣнія? Что слѣдуетъ изъ принципіальнаго отрицанія присвоенія имперіалистическими государствами продукта чужого національнаго труда? Признаніе права на національную и государственную независимость, право на самоопредѣленіе, провозглашенное русской революціей *1917* года. Но провозглашеніе такого принципа приводитъ прежде всего къ установленію единаго анти-демократическаго фронта. Въ наше время расцвѣта имперіализма со всѣми его ужасными послѣдствіями — войной, голодомъ и

экономической разрухой — созданіе какъ классоваго, такъ и оборонительно-національнаго фронта является необходимымъ слѣдствіемъ самого имперіализма и тѣмъ огромнымъ факторомъ, который долженъ сыграть роль *могильщика имперіализма*. И, какъ таковой, онъ долженъ быть учтенъ, хотя-бы чисто-практически, соціализмомъ и революціей.

Національно-оборонительный фронтъ угнетенныхъ народовъ Востока входитъ весьма существенной составной частью въ общую систему борьбы на двустороннемъ фронтѣ соціализма,—на національномъ и классовомъ. Центростремительныя тенденціи имперіализма, насильно втягивающія въ орбиту своей системы чужія народности, случайно попавшія въ нее, естественно вызываютъ центробѣжныя силы со стороны тѣхъ народностей, которыя стремятся выйти изъ этой орбиты, освободиться отъ этой «системы».

«Колоніальный» вопросъ является однимъ изъ самыхъ старыхъ и притомъ самыхъ запутанныхъ вопросовъ міровой политики, которому въ давности и сложности уступаетъ даже его старый собратъ—соціальный вопросъ. Соціализмъ въ теоріи хотя нерѣдко возставалъ также и противъ національной эксплоатаціи, на практикѣ онъ, однако, не обращалъ должнаго вниманія на эту форму эксплуатаціи. Можно даже сказать еще больше того, что вся внѣшняя политика соціализма была и остается, къ сожалѣнію, и понынѣ слабымъ мѣстомъ активнаго соціализма. Нерѣдко борьбу классовъ заслоняла борьба «націй», затемнивъ собою классовое *соціалистическое* самосознаніе даже наиболѣе энергичнаго противника всякой эксплуатаціи вообще, т.-е. рабочаго класса. Случись иначе, мы бы не имѣли этой ужаснѣйшей и самой безплодной войны, вся европейская демократія, кромѣ Россіи, не находилась бы въ состояніи „гражданскаго мира“ со своей буржуазіей и мы не были бы свидѣтелями соціалъ-шовинистическаго подъема рабочихъ съ одной стороны и имперіалистической вакханалій сверхъ-національнаго капитализма—съ другой. Надо надѣяться, что именно эта имперіалистическая война отрезвитъ ея апологетовъ и участниковъ и приведетъ весь трудовой и національно-угнетенный капитализмомъ міръ къ тому убѣжденію, что внѣ соціалистической революціи нѣтъ и не

можетъ быть настоящаго рѣшенія какъ многихъ другихъ основныхъ вопросовъ, такъ и этого проклятаго ,,колоніальнаго" и ,,восточнаго" вопроса.

Но раньше, чѣмъ перейти къ рѣшенію колоніальной проблемы и къ попыткѣ построенія туземной программы съ точки зрѣнія соціализма, мы должны будемъ еще остановиться на томъ, къ чему привела анти-демократическая колоніальная политика имперіализма на Востокѣ. Мы должны для этого тщательно прослѣдить сначала главные моменты движенія имперіалистическаго Запада противъ аграрнаго Востока, чтобы затѣмъ же, основываясь на изученіи основной тенденціи движенія Востока противъ Запада, и строить ту или иную программу.

Западъ противъ Востока.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

А. Геополитическія противорѣчія европейскаго имперіализма.

Если бы мы стали искать вѣрнаго выразителя и преданнаго идеолога современнаго имперіализма, то мы врядъ ли нашли бы болѣе талантливаго и яркаго теоретическаго его представителя, чѣмъ извѣстный шведскій историкъ и германофилъ Кьелленъ, профессоръ Упсальскаго университета и членъ шведскаго риксдага.

Разсматривая исторію, какъ чисто «біологическую» борьбу народовъ и «государственныхъ организмовъ» за существованіе и преобладаніе, онъ сводитъ всю міровую политику исключительно къ геополитикѣ *), которую онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ:

«Геополитика предъявляетъ опредѣленныя требованія государствамъ, являющимся въ качествѣ имперій,—требованія, которыя хотя и мѣняются сообразно съ временемъ, но, которыя, однако, приходится признать требованіями категорическими, дѣйствующими во всѣ времена. Такихъ требованій, главнымъ образомъ, три: достаточное протяженіе, свобода движенія и возможность внутренней спайки. Такъ какъ современныя великодержавныя имперіи представляютъ собою типическое соединеніе континента съ колоніальными владѣніями, находящимися въ другихъ частяхъ свѣта, то требованіе спайки распространяется не только на таковую между материкомъ и колоніями, но также и на внутреннюю связь колоній между собою. А рядомъ съ этимъ стоитъ математическое требованіе расширенія и динамическое требованіе свободы движенія» **). И въ духѣ этой геополитики развивалась, по его мнѣнію, вся имперіалистическая Европа въ лицѣ своихъ трехъ главныхъ державъ: Россіи, Англіи и Германіи съ ихъ спутниками: Франціей, Австріей, Турціей, Сербіей, Болгаріей и т. д.

---

*) Геополитика—политика захвата земель.

**) Kiellen. Die politische Probleme des Weltkrieges, Кьелленъ: «Политическія проблемы всемірной войны.»

«Россія—продолжаетъ онъ дальше—представляетъ собою картину, которую можно считать безусловно идеальной... это—единый, гигантскій, въ самомъ себѣ замкнутый и связанный во всѣхъ своихъ частяхъ цѣльный государственный организмъ».

«Но, если въ отношеніи протяженія и внутренней спайки государственной русской мощи дѣло обстоитъ очень хорошо, то зато весьма худо обстоитъ оно въ отношеніи третьяго пункта: въ смыслѣ свободы движенія... Наиболѣе характернымъ въ этомъ отношеніи моментомъ является то обстоятельство, что эта имперія не имѣетъ выхода къ открытому морю» и т. д. И дальше: «это, т.-е. отодвиганіе Россіи отъ океана, какъ разъ и является тѣмъ факторомъ, который и создалъ категорическій императивъ политики Россіи. Наиболѣе ярко и кратко выразилась эта политика въ словахъ газеты «Новое Время», высказанныхъ весною 1905 года:» Если Россія хочетъ разрѣшить свою историческую задачу, то она должна завоевать соотвѣтствующій ея величію доступъ къ Великому Океану, ибо нельзя напяливать на цѣлый народъ съ 130-милліоннымъ населеніемъ узкій кафтанъ съ зашитыми вдобавокъ, рукавами».

И мы въ самомъ дѣлѣ видимъ, что взоры русской государственности блаженной памяти были обращены съ одной стороны на Западъ (такъ-наз. «атлантическая программа», съ другой—на Востокъ (такъ-наз. «средиземная программа»). Первая программа знаменуетъ собою нашу борьбу со шведами въ XVIII столѣтіи, а выполненіе второй выпадаетъ на долю XIX вѣка, въ теченіе котораго мы находились въ постоянной борьбѣ съ Турціей и въ натянутыхъ отношеніяхъ съ Англіей изъ-за восточнаго вопроса. А нашъ двадцатый вѣкъ всецѣло уже идетъ подъ знакомъ восточной оріентаціи, съ небывалой доселѣ силой перебросившись, послѣ неудачи на Дальнемъ—на Ближній Востокъ. И однимъ изъ главныхъ мотивовъ, вызвавшимъ нынѣшнюю войну, была «тоска» Россіи по «теплому морю», неодолимая тяга къ Босфору, Дарданелламъ, Константинополю. Желая отвлечь вниманіе Россіи отъ Индійскаго океана (отъ Бендеръ-Аббаса у Персидскаго залива), Англія, интересамъ которой могла тогда (въ 90-хъ годахъ) угрожать политика русскихъ, въ своемъ договорѣ отъ 1907 г. съ Россіей признала всѣ «права» послѣдней надъ Дарданеллами, оттородивъ себѣ «право» на «особые» свои интересы въ Персидскомъ заливѣ.

Такъ раздѣлили между собою «сферу интересовъ» на Востокѣ два гиганта Запада.

Если интересы «Россіи», понятые съ точки зрѣнія геополитическаго имперіализма профессора Кьеллена, столкнулись на Востокѣ съ англійскими въ силу стремленія первой къ свободѣ движенія, то это произошло, по мнѣнію того же автора, не по тому, что англичанамъ недостаетъ-де свободы движенія, а въ силу отсутствія внутренней спайки, связанности всѣхъ принадлежащихъ имъ земель, даже и тамъ, гдѣ ихъ не раздѣляетъ море. Поэтому все вниманіе и вся энергія

британской внѣшней политики за послѣднее время направлены именно на географическое «закругленіе» своихъ владѣній. Это выразилось, съ одной стороны, въ спаяніи Южной Африки съ Египтомъ, съ другой—Египта съ Индіей. Желѣзнодорожная линія Капъ—Каира символизируетъ первый процессъ, а желѣзнодорожный планъ Каира—Калькутта—второй, причемъ послѣдній имѣетъ несравненно болѣе важное значеніе для англичанъ, нежели первый. Ибо здѣсь дѣло идетъ объ Индіи, неотъемлемой основѣ мірового владычества англійской имперіи. Англійскіе политики вѣчно преисполнены заботы о томъ, чтобы заполнять географическую прорѣху, все еще существующую между Индіей и Египтомъ. Къ этому сводилось ея соглашеніе въ 1907 г. съ Россіей, предоставившее послѣдней компенсацію въ Европейской Турціи въ обмѣнъ на свободный трудъ въ Персіи; въ этомъ заключается также и сущность вопроса относительно султанскихъ земель, лежащихъ между Средиземнымъ и Краснымъ морями и Персидскимъ заливомъ.

То, изъ-за чего Англія готова была еще въ 1878 году вызвать міровую войну, эта же самая Англія сравнительно легко уступила Россіи въ 1917 году, а именно Дарданелльскіе проходы. Какой же высшій интересъ руководилъ ею въ этомъ? Вышеприведенное стремленіе къ «закругленію» могло бы служить вполнѣ достаточнымъ объясненіемъ въ томъ случаѣ, если бы незаполненной бреши угрожала съ чьей-либо стороны опасность. Ея не было и раньше; пока ея не было, пока Турціи никто не угрожалъ, до тѣхъ поръ и равновѣсіе въ Европѣ не нарушалось. Откуда грозила эта страшная опасность распада европейскаго концерта? Она грозила со стороны того же геополитическаго принципа, который такъ прекрасно объясняетъ намъ исторію, какъ она создается политиками, не способными мыслить иначе, какъ въ области пространства и присвоенія чужого.

Въ то время, какъ Россіи съ этой точки зрѣнія недостаетъ свободы движенія, Англіи—внутренней спайки, Германіи недостаетъ, главнымъ образомъ, первой геополитической предпосылки, а именно: достаточнаго протяженія (Германія въ 10 разъ меньше Россіи и обладаетъ колоніями на пространствѣ, равномъ всего $1/3$—$1/4$ всей Европы, въ то время какъ Англія, будучи еще меньше Германіи, владѣетъ внѣ своей территоріи пространствомъ, въ $3^1/_4$ раза превышающимъ Европу). Но ей также недостаетъ и полной свободы движенія, ибо Англія во всякое время въ состояніи запереть ей выходъ въ Океанъ между Шотландіей и Норвегіей. Кромѣ того, это сравнительно небольшое государство защемлено между остальными великими державами и каждый его шагъ во-внѣ тотчасъ же отражается на общей европейской констеляціи. Ей постоянно угрожаетъ концентрическое давленіе со стороны сосѣднихъ съ ней великихъ дердержавъ. Ея неудобство, какъ и ея преимущество,—ея центральное положеніе. Расширеніе же ея территоріи можетъ произойти исклю-

чительно за счетъ сосѣднихъ государствъ—таково политическое положеніе вещей на континентѣ-ли или путемъ выхода за предѣлы собственной территоріи. А такъ какъ Германія слишкомъ запоздала къ «дѣлежу міра» ея попытки въ Африкѣ также не увѣнчались успѣхомъ), то ей пришлось избрать первый способъ. Для этой цѣли Германія вступила въ тѣсный «братскій» союзъ съ Австро-Венгріей, поддерживая послѣднюю противъ Сербіи, а, стало-быть, въ конечномъ счетѣ—и противъ Россіи. Для этой же цѣли Германія далѣе вступила въ союзъ съ Турціей и Болгаріей и въ лицѣ трехъ этихъ державъ Германія нашла ту огромную щель, сквозь которую она могла, наконецъ, пробраться на широкую дорогу міровой политики и которая могла вывести ее за ограниченные предѣлы собственной территоріи и сдѣлать ее госпожой на Востокѣ.

Но это стремленіе Германіи выйти за собственные предѣлы, ея жажда міровладычества шла въ-разрѣзъ съ стремленіемъ Россіи къ свободѣ движенія и Англіи,—къ созданію внутренней замкнутости своихъ колоній. Слѣдствіемъ этого явился тотъ страшный конфликтъ европейскихъ державъ, который вылился въ форму величайшей въ исторіи нашей планеты бойни.

Вотъ откуда грозила опасность Англіи и Россіи: со стороны Германіи. Столкнулись интересы этихъ двухъ державъ съ послѣдней опять-таки на Востокѣ. Но если между Россіей и Англіей достигнуто было извѣстное соглашеніе и полюбовное разграниченіе «сферъ вліянія», то спрашивается: неужели эти послѣднія не могли столковаться также и съ Австро-Германіей и придти къ какому-нибудь компромиссу, дабы предотвратить эту страшную и при томъ еще весьма и весьма опасную игру? И если бы дѣло шло только о той или другой султанской землѣ на Востокѣ или о какой-либо другой землѣ на Западѣ, то конфликтъ могъ бы, пожалуй, быть улаженъ и мирнымъ путемъ или еще до войны, или во время оной, послѣ того какъ первоначальныя надежды на быстрое разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ мечомъ не оправдались. Но дѣло обстоитъ здѣсь гораздо сложнѣе. Въ настоящее время весь вопросъ о «закругленіи» заключается для Англіи въ томъ, кому будетъ принадлежать турецкая Месопотамія, которая закрываетъ, опять-таки сухопутнымъ путемъ, доступъ къ Египту и Индіи и защищаетъ ихъ въ пунктѣ, въ которомъ англійскому господству въ Азіи и Африкѣ угрожаетъ наибольшая, послѣ устраненной «русской», опасность, а именно Суэзскому каналу, т.-е. разрывомъ англійскаго царства на двѣ части: на африканскую и азіатскую. Словомъ, Англіи важно создать «второй Египетъ», какъ называютъ иногда Месопотамію, и проложить еще одинъ путь,—«запасной», ведущій ее опять-таки въ ту же самую Индію, къ которой намъ то и дѣло приходится возвращаться.

«Мы понимаемъ теперь,—пишетъ Кьелленъ—притязаніе Англіи на Месопотамію: она преслѣдуетъ цѣль защитить свое индійское вла-

дѣніе въ томъ мѣстѣ, откуда послѣднему угрожаетъ опасность». Отсюда видно, какое значеніе придается англичанами Египту, который самъ по себѣ не представляетъ особенной выгоды и интереса для англійскаго имперіализма: Египетъ—это ключъ къ англійскому владычеству на Индійскомъ Океанѣ. Бисмаркъ однажды очень мѣтко охарактеризовалъ колоніальную политику Англіи слѣдующими словами: «Англіи Египетъ необходимъ, какъ хлѣбъ насущный, изъ-за Суэзскаго канала, какъ наикратчайшая соединительная линія между восточной частью имперіи и западной. Онъ—позвоночный нервъ, связывающій позвонокъ съ мозгомъ». Стоитъ только Англіи лишиться Египта, какъ все горделивое зданіе Британской Имперіи разбивается вдребезги, и тогда нѣтъ возможности органически снова спаять и защитить его; ибо возможно ли защитить Индію черезъ Капъ? Египетъ—это сторожевка на порогѣ Суэзскаго канала между Атлантическимъ и Индійскимъ Океанами, головная часть полосы, расположенной между Африкой и Азіей,—онъ, стало-быть, является для Англіи внѣшнимъ валомъ Индіи; благодаря лишь ему, Индія можетъ или существовать, или погибнуть. Египетъ—Ахиллесова пята, а Индія—«перлъ Востока», неисчерпаемый кладъ для Англіи, основа ея существованія.

На первый взглядъ стремленіе Англіи завладѣть полосой земли, лежащей между Средиземнымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, кажется чистой экспансивностью, аггресивнымъ стремленіемъ къ захвату чужихъ земель; на самомъ же дѣлѣ это не такъ: въ этомъ наступательномъ движеніи заключается и чисто-оборонительный моменгъ. Ибо, охраняя путь въ Индію, Англія, въ сущности, защищаетъ саму Индію, а борясь за сохраненіе за собою Индіи, она, въ концѣ-концовъ, борется за собственное самосохраненіе. Мы встрѣчаемся здѣсь съ типичнымъ образчикомъ переплетенія нападенія съ обороной, столь свойственнаго современному имперіализму.

Итакъ, куда бы насъ пути современнаго имперіализма ни завели, будь то въ Африку къ египетскимъ сфинксамъ, или въ Азію па развалины старой Вавилоніи (нынѣшней Месопотаміи), оказывается, что всѣ дороги имперіализма ведутъ въ «Римъ» англійской политики, въ святая-святыхъ міровото господства англичанъ—въ Индію. И мы на самомъ дѣлѣ видимъ, что несмотря на то, что война происходитъ преимущественно на европейской почвѣ, она, при болѣе близкомъ разсмотрѣніи ея сущности и цѣлей, ведется вовсе не изъ-за какихъ-либо неразрѣшенныхъ вопросовъ на Западѣ, а преимущественно изъ-за крупнѣйшихъ интересовъ Запада на Востокѣ. Существуетъ мнѣніе, что древніе ассиряне строили свои храмы и могилы по опредѣленному астрологическому принципу, а именно такъ, что расположеніе древне-ассирійскихъ сооруженій на землѣ соотвѣтствовало опредѣленному расположенію и двиежнію звѣздъ на небѣ: они, такъ сказать, строили «по звѣздочкамъ». По аналогіи съ этимъ можно сказать, что движеніе народовъ въ Европѣ и Азіи вполнѣ отвѣ-

чаетъ опредѣленному движенію ихъ интересовъ на Востокѣ. Въ то время, какъ происходитъ потасовка народовъ здѣсь,—идетъ перетасовка интересовъ и картъ тамъ.

Имперіалистической Европѣ уже давно тѣсно стало въ самой Европѣ, и она ищетъ себѣ выхода, главнымъ образомъ, въ Азію. Но и тамъ она попала въ тупикъ, изъ котораго ей нѣтъ прямого выхода. Нѣтъ потому, что ни геополитика, ни ея спутникъ милитаризмъ не въ состояніи разрѣшить возложенныя на нихъ имперіалистами задачи, ибо проблемы, которыя подлежатъ здѣсь разрѣшенію, по существу—не физико-территоріальныя, а этнополитическія и соціально-политическія. Не средствами геополитики и милитаризма, а методами интернаціональными и экономическими мыслимо окончательное и идеальное рѣшеніе «восточнаго вопроса», и именно такъ, чтобы оно вышло на пользу трудящихся массъ и Европы, и Востока.

Суммируемъ все сказанное въ этой главѣ словами нашего откровеннаго теоретика «біологическаго» имперіалиста, цитированнаго уже нами, профессора Кьеллена, нарисовавшаго широкими мазками слѣдующую картину:

«Географическій центръ тяжести міровой войны лежитъ въ земляхъ турецкаго султана, въ этомъ «срединномъ царствѣ» (по выраженію Іекка), расположенномъ между тремя странами свѣта. Подобно тремъ потокамъ, берущимъ свое начало отъ разныхъ горъ, сюда устремляются три сильныя воли и сталкиваются между собою. Три первоклассныя державы ищутъ здѣсь возможностей для своего будущаго развитія: Германія — свободы движенія, Россія — «теплаго моря», Англія — территоріальной спайки, «закругленія» своего колоніальнаго царства. Между двумя послѣдними державами возможно было еще достигнуть соглашенія на основѣ разграниченія сферъ интересовъ въ Месопотаміи и въ Дарданеллахъ. По одной сторонѣ поля сраженія между Германіей и Англіей казалось также возможнымъ соглашеніе, а именно по вопросу внутри территоріальнаго направленія и конечнаго пункта Багдадской линіи. Но оставались неразрѣшенными два другихъ непримиримыхъ пункта: между Германіей и Англіей—пунктъ о Суэзскомъ каналѣ и вопросъ о Дарданеллахъ между Германіей и Россіей... А такъ какъ Россія неудержимо стремилась къ Константинополю, а Германія безусловно противилась этому, то міровая война была неизбѣжна».

Таковы основныя противорѣчія европейскаго имперіализма, приведшія ко всѣми нами переживаемой катастрофѣ.

Но міровой имперіализмъ не исчерпывается тѣми лишь противорѣчіями, которыя вскрываются на нашихъ глазахъ имперіализмомъ европейскимъ. Между европейскимъ и заокеанскимъ имперіализмомъ съ одной стороны и монгольскимъ (японскимъ)—съ другой существуютъ такія же непроходимыя и непримиримыя противорѣчія, какъ и вовнутри европейскомъ. И для полноты геополитической картины, ко-

торой мы далеко еще не исчерпали, разберемъ и противорѣчія между «бѣлымъ» и «желтымъ» имперіализмомъ, соперничающимъ между собою на Тихомъ Океанѣ.

В. Геополетическія противорѣчія „бѣлаго" и «желтаго» имперіализма.

Сѣверо-американскій и монголо-японскій имперіализмъ обусловленъ, тѣми же геополитическими причинами, что и его европейскій сородичъ. Въ то время, какъ пан-американскій великодержавный имперіализмъ стремится къ концентраціи и къ достиженію наибольшей свободы, къ владычеству надъ всѣми окружающими обѣ части американскаго материка морями, Японія мѣетъ передъ собою двѣ задачи: такъ еж, какъ и Америка, она нуждается въ свободѣ движеніям и господствѣ надъ Тихимъ Океаномъ, но, кромѣ того, она еще стремется и къ расширенію своей территоріи, къ самоувеличенію.

Какъ доказываетъ Раттенъ *) въ отношеніи густоты населенія Японія равняется Австро-Венгріи, и превосходятъ ее только Соединенные Штаты и Германія. Въ 1909 г. на одинъ квадратный километръ приходилось 130 жителей, почти столько же, сколько въ Англіи. Въ началѣ 1872 г. населеніе Японіи равнялось 33.111.000 душъ, а въ 1909 оно достигло уже до 50.170.000, къ которымъ надо еще прибавить добрыхъ $13^1/_2$ милліоновъ населенія, которые она пріобрѣла вмѣстѣ съ пріобрѣтеніями, которыя она сдѣлала съ 1895—по 1905 годъ. Народонаселеніе Японіи увеличивается больше чѣмъ на 1% въ году. Въ силу этого замѣчается все усиливающаяся изъ года въ годъ эмиграція, которая прежде всего направлялась на островъ Формозу. Въ 1897 г. тамъ было 16.300 жителей, а въ 1907 г.— уже 77.900 и т. д. Такъ дѣло обстояло и съ Филиппинскими и Сандвическими островами, Кореей, Голландской Индіей, французскимъ Индо-Китаемъ (Анамъ) и Австраліей, куда направляется мощный потокъ японскаго переселенчества. Но особенно сильно онъ даетъ себя чувствовать въ самой Америкѣ, особенно въ Калифорніи, куда до 1907 г. переселилось тысячъ шестьдесятъ японцевъ. Все побережье Тихаго Океана отъ Ванъ-Кувера внизъ до Санъ-Франциска и далеко въ глубь Мексики буквально кишитъ японцами.

Съ 1901 по 1906 г. прибыло японцевъ въ Соед.-Штаты 79.000 челов., а въ 1906/7—30.824. Отсюда и пошла молва о «желтой опасности», угрожающей якобы со стороны японской расы.

Изъ стремленія Японіи къ свободѣ движенія съ одной стороны и къ территоріальному расширенію—съ другой вытекаетъ и ея дуалистическая, двусторонняя программа, морская съ одной стороны и континентальная—съ другой.

Одной стороной своей программы внѣшняя политика Японіи направлена противъ Россіи, въ особенности же противъ Китая, и эта программа неизбѣжно ведетъ къ милитаризму, встрѣчающему поддержку въ старыхъ военныхъ и націоналистическихъ кругахъ и являющемуся въ цѣломъ правительственной программой. Другимъ же своимъ ликомъ она обращена къ морю, опирается на молодую либеральную Японію, переноситъ центръ тяжести вопроса на созданіе сильнаго флота и обнаруживаетъ сильную «тягу къ Югу», къ островамъ Тихаго Океана, къ нѣкоторымъ частямъ материка Америки (какъ, напр., къ Калифорніи и Мексикѣ) и вообще къ занятію господствующаго положенія на всемъ Тихомъ Океанѣ, отъ Владивостока до Сингапура (Зундскаго прохода, такъ-называемаго Азіатскаго «Гибралтара»),—къ маринизму. Двуединая программа Японіи проникнута мечтой о преобладаніи японцевъ, какъ на континентѣ Азіи, такъ и на омывающемъ ее Тихомъ Океанѣ; она олицетворяетъ собою въ одно и то же время и идеалъ Спарты, и идеалъ Аѳинъ, сочетаетъ въ своемъ лицѣ и германскій милитаризмъ, и англійскій маринизмъ. Этой второй своей стороной японская внѣшняя политика обращена, и притомъ весьма враждебно и угрожающе, противъ американскаго и европейскаго имперіализмовъ, преслѣдующихъ то же самое, что и она, именно: господство надъ Тихимъ Океаномъ и его островами.

Итакъ, сущность японскаго имперіализма заключается въ стремленіи захватить Восточную Азію, собственно—«Серединную Имперію» и нѣкоторыя области, принадлежащія Россіи, съ главнымъ русскимъ портомъ Владивостокомъ, съ одной стороны, и къ захвату всѣхъ острововъ, выходовъ и входовъ на Тихомъ Океанѣ, кое-какихъ частей, принадлежащихъ американскому материку, и къ превращенію Тихаго Океана въ чисто-японское море—съ другой. Такова программа-максимумъ внѣшней политики Японіи. И на пути своего стремленія осуществить эту грандіозную программу она сталкивается ни болѣе, ни менѣе, какъ съ шестью державами, изъ которыхъ только двѣ—Россія и Южный Китай—не преслѣдуютъ никакихъ имперіалистическихъ цѣлей, а остальныя четыре—явно имперіалистичны и находятся въ противорѣчіи не только съ Японіей, но и между собою. На первомъ планѣ стоитъ Сѣверная Америка, за нею слѣдуетъ Англія, затѣмъ Голландія и Франція. Первыя двѣ державы занимаютъ чисто-оборонительную позицію и являются страдающими сторонами, а перечисленныя другія четыре страны являются такими же агрессивными силами, какъ и сама Японія, какія бы тамъ ни произносились громкія фразы о защитѣ «бѣлой» расы противъ опасности со стороны «желтой», объ «оборонѣ» и проч. Мы будемъ говорить отдѣльно объ имперіализмѣ американскомъ и европейскомъ, какъ объ антагонистахъ монгольско-японскаго имперіализма, и постараемся по-

казать, какъ два первыхъ, пересѣкаясь, взаимно исключаютъ другъ друга. Начнемъ съ американскаго.

Мудрое завѣщанiе великаго мужа — Георга Вашингтона, оставленное имъ въ политическомъ тестаментѣ 1796 года своему народу, американцы уже давно позабыли. Онъ завѣщалъ имъ въ своей международной политикѣ класть центръ тяжести на коммерческiя отношенiя и «какъ можно меньше вступать въ отношенiя политическiя». За этой формулой въ полномъ согласiи слѣдовала затѣмъ и знаменитая «доктрина Монроэ» отъ 20-го декабря 1823 года съ ея протестами противъ вмѣшательства европейцевъ въ Южной Америкѣ противъ распространенiя «политической» системы Европы на Америку, противъ новой европейской колонизацiи въ Америкѣ (главн. образ. противъ Россiи) и проч., и тогда по всей Америкѣ раздался кличъ: «Америка для американцевъ!» Но въ этомъ протестѣ противъ универсальной гегемонiи Европы кроется уже зародышъ собственной гегемонiи надъ Новымъ Свѣтомъ. Пока она находилась еще въ стадiи отрицанiя, это притязанiе на гегемонiю Сѣвер. Штат. надъ всей Америкой носило еще оборонительный характеръ и въ Америкѣ тогда еще воздерживались отъ вмѣшательства въ дѣла европейскiя. Но сильная экспансивная политика Европы противъ Америки заставила послѣднюю превратить доктрину Монроэ изъ оборонительной въ предупредительную (превентивную): Соед. Штаты заняли сами тогда тѣ мѣста, которыя угрожали занять европейцы (напр., Юкатанъ въ 1848 г.). Мы не хотимъ останавливаться здѣсь подробнѣе на исторiи Америки; намъ важно только установить тотъ фактъ, какъ подъ влiянiемъ европейской политики захвата, мирная сначала американская политика постепенно перешла въ оборонительную, эта послѣдняя — въ превентивную, чтобы затѣмъ, въ концѣ-концовъ, перейти отъ обороны къ наступленiю. Въ 1895 году наступилъ поворотъ въ американской внѣшней политикѣ, о которой Брайсъ могъ еще повѣствовать то же самое, что повѣствуютъ, напр., путешественники о змѣяхъ на Исландiи, а именно: объ ихъ полномъ отсутствiи. Съ этого времени Америка окончательно порываетъ со своими великими традицiями и рѣшительно выступаетъ изъ позицiи самоизоляцiи, чтобы принять участiе въ общей конкуренцiи великихъ державъ на почвѣ индустрiализма. Наступленiе начато было изъ Клэвленда съ возгласомъ противъ Англiи въ Венецуэльскомъ вопросѣ: «Руки прочь»! Въ слѣдующемъ 1896 году Макъ-Кинлэй былъ избранъ президентомъ съ наказомъ: «Аннексiя Гавай» (Сандвичевыхъ Острововъ), вмѣшательство на Кубѣ и «взятiе вопроса о каналѣ (Панамскомъ) въ свои руки». Изъ вмѣшательства же на Кубѣ развилось прiобрѣтенiе Филиппинскихъ острововъ въ 1898 году, чѣмъ ознаменовалось уже вторженiе Америки въ совершенно чужую часть свѣта и вмѣшательство въ интимныя отношенiя другихъ державъ.

Такъ совершенно заглохъ предупреждающій голосъ и затихъ мудрый совѣтъ Вашингтона среди шума современнаго капиталистическаго индустріализма и имперіализма.

Главнымъ вопросомъ внѣшней политики Сѣв. Америки сталъ съ тѣхъ поръ Панамскій каналъ, который былъ приведенъ въ исполненіе въ теченіе времени отъ 1900 до 1914 года. Вокругъ него сосредоточились вопросы о томъ, чтобы исключить всякій интернаціональный характеръ этого предпріятія (въ 1911 г.) предоставленіе преимущественныхъ правъ своему пароходству передъ правами другихъ державъ (въ 1912 г.). Панамскій каналъ является своего рода американскимъ Кайзерръ-Вильгельмъ-каналомъ отличіе отъ международнаго характера Суэзскаго канала. Фактически Панамскій каналъ преслѣдуетъ двѣ великія цѣли, обусловленныя его географическимъ положеніемъ: во-первыхъ, опеку надъ всей Америкой и, во-вторыхъ, господство на Тихомъ Океанѣ. Въ дальнѣйшемъ панамская политика естественно повлекла за собою и протекторатъ Соедин. Штатовъ надъ Штатомъ Панама въ 1903 г. Еще прежде, въ 1901 г., эта скрытая аннексія была произведена и по отношенію къ Кубѣ, затѣмъ, въ 1905 г., къ Санъ-Доминго и въ 1910—къ Никарагуа, а угрожающая съ 1911 года аннексія Мексики также недалека отъ того, чтобы стать фактомъ дѣйствительности. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ политической концентраціей всей Америки подъ флагомъ Соед. Штатовъ, но прежде всего дѣло идетъ здѣсь о Центральной Америкѣ и объ Остъ-Индіи. Первый пунктъ соединяетъ Сѣверъ съ Югомъ, второй защищаетъ каналъ отъ нападенія на него со стороны Европы и отъ опасности разрыва созданнаго цѣлго опять на двѣ части, ибо, если Остъ-Индія находится въ рукахъ Европы, то послѣдняя господствуетъ надъ всѣми выходами американскаго «Средиземнаго моря» (Мексиканскаго залива, Караибскаго моря), угрожаетъ поэтому каналу и въ то же время врѣзывается широкимъ клиномъ между Сѣверной Америкой и Южной, образуя такимъ образомъ, между ними политическую грань (Деккертъ). Поэтому-то Соедин. Штаты и заинтересованы въ томъ, чтобы вытѣснить отсюда европейцевъ, выбить ихъ изъ этой позиціи, частью для защиты своего канала, частью для того, чтобы имѣть свободный трудъ въ южной части Америки.

Но мы оставимъ проблему Южной Америки, какъ не прямо относящуюся къ нашей непосредственной темѣ, и только еще разъ подчеркнемъ, что мы и здѣсь имѣемъ передъ собою образчикъ того, какъ въ нашу эпоху имперіализма и захватовъ оборона переходитъ въ нападеніе и, наоборотъ, нападеніе—въ оборону: желая защищать свою пан-американскую политику, Сѣвер. Америка вынуждена не только отражать удары, направленные на главную крѣпость этой политики на Центральную Америку съ ея Панамскимъ каналомъ, какъ ни цементомъ, и не только отражать, но и предохранять, и предупреждать и, наконецъ, не только предохранять, но и нападать, какъ, напримѣръ,

въ Остъ-Индійскомъ вопросѣ. Такова неизбѣжная логика буржуазной геополитики и американской въ частности, такова роковая послѣдовательность всякой захватной политики современнаго имперіализма.

Но геополитика Соед. Штатовъ въ дальнѣйшемъ своемъ послѣдовательномъ развитіи привела къ осложненіямъ на Тихомъ Океанѣ не только съ европейцами, главнымъ образомъ съ англичанами, но и съ народомъ совершенно другой расы,—съ японцами, и съ исходомъ прошлаго столѣтія экспансивная политика Америки на Тихомъ Океанѣ вынуждена была нѣсколько остановиться: уже съ самаго начала чувствовался скрытный конфликтъ между Америкой и Японіей изъ-за Сандвичевыхъ и Филиппинскихъ острововъ. Теперь дѣло уже не о тѣхъ, или другихъ сравнительныхъ мелочахъ, а о цѣломъ, именно идетъ споръ о томъ, кому будетъ принадлежать гегемонія надъ Океаномъ, и мы, такимъ образомъ, и здѣсь видимъ, какъ «логика географіи», привела пан-американцевъ къ дальнѣйшей оборонѣ—нападенію. Кто скажетъ А долженъ сказать и Б,—чтобы японцы не вышибли американцевъ изъ занятыхъ уже послѣдними позицій на Тихомъ океанѣ, послѣднимъ приходится объявить наступленіе по всему гео-политическому фронту: вся власть на Тихомъ океанѣ будетъ принадлежать японцамъ или европейцамъ, или американцамъ. Каждая изъ этихъ странъ отстаиваетъ свои «жизненные» интересы, каждая изъ нихъ изъ боязни неумѣренности противника сама развиваетъ самые неумѣреннѣйшіе аппетиты и алчность еще большую, чѣмъ предполагаемая «неумѣренность» противника.

Получается хаосъ, изъ котораго единственнымъ выходомъ является война. Признаки войны между Америкой и Японіей уже давно носится въ воздухѣ, и мы не сегодня—завтра можемъ стать свидѣтелями, а кто знаетъ, можетъ-быть и участниками новой ужасной катастрофы, отъ которой снова содрогнется міръ и на другой его половинѣ. Ни для японскаго, ни для американскаго имперіализма нѣтъ возврата вспять: такъ пущенный съ горы камень, если онъ не встрѣчаетъ препятствія по пути, неудержимо долженъ докатиться до самаго низу. О «препятствіи по дорогѣ» мы поговоримъ послѣ, а пока продолжимъ нашъ анализъ геополитическаго имперіализма на Тихомъ Океанѣ въ его дальнѣйшихъ перипетіяхъ, противорѣчіяхъ, конфликтахъ и осложненіяхъ.

Для законченности картины японско-американскихъ отношеній мы еще скажемъ, что, угрожающія тучи стали заволакивать политическій горизонтъ уже со времени заключенія русско-японскаго мира въ 1905 году; пламя обрьбы снова готово было вспыхнуть изъ-за исключительныхъ законовъ противъ японскихъ дѣтей въ Калифорніи въ 1906 г., и хотя конфликтъ былъ замятъ, но, благодаря новому вмѣшательству Америки въ манчжурскіе желѣзнодорожные вопросы, онъ получилъ новую пищу въ 1910 году и вторично обострился въ Калифорніи въ 1913 г. изъ-за запрета японцамъ совершать земельныя сдѣлки въ

Калифорніи. Въ Мексиканскомъ возстаніи 1911 г., какъ полагаютъ, также не обошлось безъ интриги японцевъ противъ американцевъ, и крупная дипломатическая роль, которую Соедин. Штаты играютъ въ Китаѣ, также мало способствуетъ тому, чтобы сократить тренія между обоими берегами Великаго Океана. Словомъ, отношеніе къ Японіи составляетъ самое больное мѣсто въ международной политикѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Переходимъ теперь къ европейскому имперіализму, также якобы «кровно» заинтересованному, какъ онъ увѣряетъ, въ гегемоніи надъ Тихимъ Океаномъ.

Еслибы противорѣчивыми оказались лишь «интересы» Японіи и Америки, то положеніе здѣсь было бы довольно простое: стояли бы лицомъ къ лицу два сильныхъ врага, готовыхъ ежеминутно броситься другъ на друга и перегрызть другъ другу горло изъ-за одной и той же огромной добычи при первой возможности. Но положеніе въ этой части свѣта осложняется тѣмъ, что Европа, точнѣе Англія, эта вездѣсущая и жадная Англія, и сюда простерла свои костлявыя руки и крѣпко держится за свою власть на Тихомъ Океанѣ. Европейскій имперіализмъ въ лицѣ Англіи, Голландіи и Франціи угрожаетъ такъ-наз. американскому «Средиземному морю»—Панамскому каналу—и является конкурентомъ японцевъ и американцевъ на китайскомъ рынкѣ. Поэтому и Америка, и Японія, каждая по-своему, непосредственно заинтересованы въ томъ, чтобы вытѣснить Европу изъ занимаемой ею здѣсь позиціи, какъ и наоборотъ: Европа старается вытѣснить и ту и другую націю, какъ доминирующія силы надъ Океаномъ. Такая политика Европы вытекаетъ, особенно съ точки зрѣнія англійскихъ «интересовъ», изъ ея общей колоніальной политики, именно—политики защиты своихъ восточно-индійскихъ колоній отъ вліянія на нихъ извнѣ и нападеній на нихъ со стороны океана. И здѣсь логика защиты захваченнаго ведетъ къ нападенію, и отрицательная программа переходитъ въ положительную. Этимъ основнымъ фактомъ вполнѣ предопредѣляется принципіальное противорѣчіе интересовъ Америки, Японіи и Европы другъ другу. Но этимъ предопредѣляется также и борьба каждой изъ этихъ антагонистовъ на два фронта: Америка противъ Японіи и Европы и т. д. Но является здѣсь вопросъ: не возможны ли здѣсь извѣстныя группировки, временные или болѣе длительные компромиссы, соглашенія, объединенія, съ цѣлью совмѣстнаго выступленія противъ общаго врага?

Еслибы мы предположили, что въ рѣшительную минуту Англія станетъ на сторону Японіи противъ Америки, то она, Англія, ничего отъ этого не выиграла бы; скорѣе она отъ этого только пострадала бы, ибо нѣтъ болѣе смертельной опасности для Остъ-Индіи, какъ опасность со стороны японскаго имперіализма. Предположимъ, однако, другую комбинацію: Англія, вообще Европа, становится на сторону Америки, чтобы совокупными силами сокрушать «желтаго»

врага. Но тогда Европа должна навсегда проститься съ китайскимъ рынкомъ и съ мечтою о «раздѣлѣ» Великой Китайской Республики. Побѣдившая Японію Америка ни съ кѣмъ не захочетъ дѣлить эту богатѣйшую добычу. Единственно, что она до поры, до времени согласится гарантировать, такъ это незаинтересованность въ Остъ-Индіи. И для Англіи самымъ подходящимъ, самымъ идеальнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія является поэтому status quo на Тихомъ Океанѣ и на китайской территоріи. Но жизнь и здѣсь опередила, переросла эту реакціонную утопію, какъ переросла она ее и въ самой Европѣ, и нарушителями этой идеи являются либо «азіатскіе пруссаки», либо предпріимчивые янки. Не происходи теперь ужасной бойни въ Европѣ, Англія могла бы еще, пожалуй, заставить обѣ стороны сохранить status quo на Востокѣ, а, въ случаѣ невозможности предотвращенія войны, и активно вмѣшаться въ дѣло и склонить вѣсы въ ту или другую сторону. Но такъ какъ она сильно занята у себя дома, въ Европѣ, и значительно ослабла, то ни ея окрикъ, ни ея вмѣшательство, при томъ еще весьма и весьма проблематичное, никого не испугаютъ. Отсутствіемъ этого должно явиться то, что Англіи волей-неволей придется сохранить вынужденный «нейтралитетъ», предоставивъ обоимъ соперникамъ рѣшать великій вопросъ поединкомъ. Англія очутится, такимъ образомъ, въ положеніи «третьяго печалующагося». Учитывая именно эту благопріятную для себя конъюнктуру, созданную самимъ фактомъ европейской бойны, обѣ стороны—Японія и Америка—бѣшено готовятся къ неминуемому столкновенію другъ съ другомъ. И уже самый фактъ вынужденнаго «нейтралитета» означаетъ при данныхъ условіяхъ полное политическое пораженіе Европы на Дальнемъ Востокѣ; европейскому имперіализму будетъ здѣсь нанесенъ непоправимый ударъ; и однимъ противникомъ на Дальнемъ станетъ меньше. Такъ три силы имперіализма, перекрещиваясь и противорѣча другъ другу на Востокѣ, взаимно исключаютъ третью. Вотъ къ чему въ первую очередь приведетъ грядущая война между Японіей и Америкой: къ автоматическому устраненію третьей силы.

Это не можетъ не отразиться благопріятно на борьбѣ съ міровымъ имперіализмомъ Востока противъ Запада. На кровавой шахматной доскѣ будутъ фигурировать только эти двѣ державы, и исходъ борьбы на полѣ брани опредѣлится соотношеніемъ силъ лишь этихъ двухъ державъ, если тутъ же не вмѣшается нѣкій Великій Иксъ, который можетъ повернуть все дѣло въ совершенно неожиданную сторону и рѣшить дѣло совсѣмъ по-иному, по-своему. Этотъ великій X, подъ которымъ я разумѣю Великій Китай, можетъ сыграть роковую роль не только для американскаго, но и для монгольскаго имперіализма, Японія это прекрасно знаетъ, и изо всѣхъ силъ старается заполучить Китай на свою сторону, играя на «пан-монгольскія» чувства всей желтой расы, аппелируя къ національному единству на

почвѣ общности вѣры. Японія мечтаетъ о созданіи монгольскаго союза съ «душою Японіи въ тѣлѣ Китая», какъ образно выражается объ этомъ въ другой своей книгѣ Кьелленъ. Играетъ ли главную роль въ политикѣ Японіи, торжество расы и родство крови, вѣры и проч., или ея политика является лишь эгоистической игрой политическихъ, націоналистическихъ и экономическихъ интересовъ. Факты подтверждаютъ послѣднее. Китайская Республика, будучи внутри демократической и соціальной, является во-внѣ лишь національной, а не расовой, или религіозной и проч.

Японія, конечно, не можетъ объ этомъ не знать, и она поэтому надѣется больше на силу принужденія, чѣмъ на силу убѣжденія, на физическую силу кулака, чѣмъ на силу идеи. Она мечтаетъ о захватномъ правѣ, о насильственномъ присоединеніи Китая, а не о свободномъ «сліяніи» послѣдняго съ Японіей. На кого же и на что она въ такомъ случаѣ разсчитываетъ въ этомъ рискованномъ предпріятіи? Неужели на свою лишь собственную силу? Врядъ ли: она всегда до сихъ поръ обнаруживала слишкомъ кошачью осторожность, чтобы пуститься въ подобную авантюру и поставить все свое существованіе на карту. Вполнѣ вѣроятно соглашеніе Японіи съ Германіей, особенно если послѣдняя потерпитъ пораженіе, что весьма возможно, такъ какъ обѣимъ этимъ державамъ выгодно ослабить или отвлечь общихъ своихъ фактическихъ противниковъ, прикрѣпить каждаго изъ нихъ именно къ тому мѣсту, которое выгодно той и другой сторонѣ: Германіи очень выгодно отвлеченіе Англіи и, главнымъ образомъ Америки на Дальній Востокъ и ослабленіе ихъ позиціи въ томъ же политическомъ фронтѣ; Японіи же выгодно, чтобы Германія все больше приковывала все вниманіе и всѣ силы ея враговъ къ европейскому фронту и питалась бы насчетъ Англіи на Ближнемъ Востокѣ, гдѣ Японія совершенно не заинтересована. Мы еще можемъ стать свидѣтелями этой неожиданной, но столь само собою напрашивающейся комбинаціи. Японія только и ждетъ того момента, когда Америка вмѣшается не только въ политическія, но и въ военныя дѣла Европы т.-е. когда она пойдетъ противъ Германіи. Тогда настанетъ для Японіи удобный моментъ непосредственной угрозы интересамъ Америки, и вмѣстѣ съ этимъ она разобьетъ ея силы на двѣ части и для Австро-Германіи тогда представится болѣе легкимъ дѣломъ расправа со своимъ новымъ врагомъ, если онъ вообще будетъ настолько неосторожнымъ и серьезно вяжется въ европейскія дѣла. Намъ союзъ Америки съ одной частью европейцевъ противъ другой кажется, однимъ лишь ловкимъ дипломатическимъ ходомъ, который предпринятъ, во-первыхъ, для того, чтобы обмануть общественное мнѣніе собственной страны, во-вторыхъ, для того, чтобы усыпить бдительность своего «желтаго» врага. Америка, хотя и киваетъ на Ивана, но метитъ опредѣленно на Петра.

Кромѣ какъ на весьма, конечно, проблематичнаго австро-германскаго союзника Японія въ ближайшемъ будущемъ ни на кого серьезно, какъ намъ кажется, не можетъ разсчитывать. Поэтому послѣдній разсчетъ Японіи на «родственную» ей націю, на Китай, пріобрѣтаетъ особенное значеніе: онъ можетъ рѣшать вопросъ въ ту или другую сторону; отъ него можетъ зависѣть конечный исходъ борьбы. А потому посмотримъ поближе, какъ обстоитъ дѣло съ этой единственной и сильнѣйшей предполагаемой опорой японо-монгольскаго имперіализма.

Съ точки зрѣнія Революціи и Свободы Востока, само собою разумѣется, въ высшей степени важно во что бы то ни стало помѣшать Японіи въ этомъ дѣлѣ и сдѣлать такъ, чтобы она ошиблась въ своихъ разсчетахъ. Поэтому то намъ и необходимо знать, имѣются ли шансы у Интернаціонала Востока на успѣхъ въ дѣлѣ помѣхи и «желтому», и «бѣлому» имперіализмамъ сразу. Вмѣстѣ съ такой постановкой вопроса мы переходимъ къ перспективамъ революціоннаго рѣшенія «туземнаго» вопроса послѣ того, какъ, мы надѣемся, показали уже всю военно-политическую тщетность имперіалистическаго рѣшенія ея.

Такъ обстояло дѣло до 27-го февраля 1917 года. Съ этого дня начинается, хотя и не совсѣмъ явственно и опредѣленно, новая эра въ исторіи войны и въ группировкѣ международныхъ воюющихъ силъ. Старая «Россія» рухнула, на мѣсто ея стала она далеко еще не стряхнула съ себя все старое, все подлое; она долго еще не смогла освободиться отъ своего имперіалистическаго возрождаться, какъ фениксъ изъ пепла, новая, молодая Россія. Правда, прошлаго, и либеральная часть ея буржуазіи, какъ и такъ-называемая ея «демократія», все еще продолжала за спиною довѣрившагося Временному Правительству народа, лелѣять свои былыя аннексіонистскія мечты о Дарданеллахъ, о предводительствѣ на Балканахъ и проч., пока переворотъ 25-го октября не положилъ этой закулисной игрѣ въ имперіализмъ предѣлъ.

Послѣ октябрьскаго переворота, произведеннаго подъ лозунгомъ мира, Россія подлинно вышла изъ состава воюющихъ державъ и, такимъ образомъ, перепутала карты мірового имперіализма.

И въ самомъ дѣлѣ, въ самое послѣднее время гео-политика германо-австрійско-турецкой коалиціи приняла совершенно неожиданный оборотъ. «Нѣмцы, видя свое безсиліе на турецко-англійскомъ фронтѣ, начали строить другой стратегическій планъ похода на Востокъ, для котораго Малая Азія является лишь средствомъ для достиженія болѣе грандіозной цѣли. Эта цѣль есть—Индія и этотъ новый путь есть—Россія. Формула нынѣ гласитъ уже не «Берлинъ — Константинополь — Басра», а «Берлинъ — Одесса — Батумъ—Тегеранъ—Гератъ—Кветта».

Но для осуществленія этого новаго «стратегическаго плана» потребовалось сперва создать нѣкоторыя «прелиминарныя» (предварительныя) условія, заключающіяся въ томъ, чтобы разобщить Россію съ Украиной, заключить съ каждой порознь выгодный для себя миръ, совершенно отстранить Россію отъ вмѣшательства во внѣшне-политическія дѣла Персіи и Афганистана и заполучить ихъ обѣихъ на свою сторону и т. д. И «миръ» съ Россіей былъ заключенъ, сѣверъ съ помощью отечественныхъ предателей былъ разобщенъ съ югомъ, а свобода дѣйствій въ Персіи и Афганистанѣ была обезпечена извѣстнымъ пунктомъ Брестскаго договора; разными происками и подкупомъ нѣмцы проникли въ Афганистанъ, и нынѣ они добиваются того же самаго и въ Персіи и т. д. На Украинѣ и въ Крыму дѣйствуютъ теперъ нѣмцы и движутся дальше на Кавказъ съ Сѣвера въ то время, какъ ихъ вѣрные «друзья»-турки идутъ имъ навстрѣчу, «беря» Кавказъ съ Юга... Словомъ, новый путь въ Индію прокладывается союзными имперіалистами весьма и весьма энергично, «по заранѣе обдуманному плану» и пока-что успѣшно. Со времени дамасскаго выступленія коронованнаго разбойника (въ 1898 г.)—измѣнилась не цѣль нѣмецкой политики, а стратегія, не программа, а тактика. Маска сброшена, и теперь больше, чѣмъ когда-либо, стало ясно, что нѣмцы хотятъ стать не только западной, но и восточной могущественной державой и занять на этомъ свѣтѣ мѣсто Англіи. И если этого нельзя добиться ни на западномъ фронтѣ, ни въ Месопотаміи, то надо попытаться достигнуть этого посредствомъ нападенія на саму Ахиллесову пяту Англіи—на Индію,—и какъ разъ съ того мѣста, откуда англичане меньше всего ожидали бы нападенія нѣмцевъ—со стороны разорванной на части Россіи *).

Такимъ образомъ, возъ имперіализма стоитъ и понынѣ тамъ, гдѣ онъ стоялъ, и съ этой мертвой точки его пока-что не сдвинули ни внутреннія, ни внѣшнія силы,—ни собственныя противорѣчія, ни революціонное противодѣйствіе. Даже хуже того. Кольцо имперіализма снова смыкается, угрожая удушеніемъ революціи съ двухъ сторонъ: австро-германской и «союзной» коалицій. Но противорѣчія имперіализма какъ были, такъ и остались неразрѣшенными, непримиримыми. Міровой тяжбѣ все еще не видно ни конца, ни краю. Собственными средствами не изжить ей себя. Гигантская, небывалая въ исторіи человѣчества борьба можетъ и должна быть превзойдена лишь насильственно-революціоннымъ способомъ, противодѣйствіемъ самихъ объектовъ имперіализма его субъектамъ, носителямъ.

Поскольку объектомъ международнаго капитала является порабощенный Востокъ, постольку интернаціональная революція должна быть обращена своимъ остріемъ и въ сторону Востока. Она должна постараться разрѣшить «восточный вопросъ» въ духѣ революціи, и

---

*) См., Извѣстія Ц. И. К. отъ 28 мая с. г. 106 (370).

горючій матеріалъ, накопившійся уже въ достаточной мѣрѣ также и на азіатскомъ материкѣ, использовать въ интересахъ міровой революціи.

Какова сущность движенія Востока противъ Запада и въ какомъ смыслѣ можетъ быть использованъ Востокъ въ интересахъ Интернаціонала?

Прежде всего оно проявляется въ видѣ стремленія колоній и «сферъ вліянія» къ освобожденію отъ метрополій, къ національно-государственной самостоятельности. Но движеніе носитъ и болѣе дифференцированный, сложный характеръ: чисто національное движеніе осложняется классово-соціальнымъ моментомъ, не ограничивающимся одними лишь государственно-политическими задачами. Движеніе на Востокѣ направлено не только противъ чужеземныхъ владыкъ съ Запада, но и противъ собственныхъ, «отечественныхъ», господъ своей родины. Востокъ стоитъ не только подъ знакомъ этно-политическаго, но и соціально-экономическаго движенія. Девизъ: «Азія—для азіатовъ» не исчерпываетъ уже въ настоящее время всей сложности отношеній на восточномъ материкѣ, тѣмъ еще менѣе исчерпаетъ онъ ихъ въ томъ недалекомъ будущемъ, когда цѣпи рабства окончательно спадутъ съ порабощенныхъ народовъ Великаго Востока.

Разсмотримъ эти отношенія по порядку и обратимся сперва къ первой антитезѣ имперіализма,—къ національному движенію на Востокѣ.

Востокъ противъ Запада на этнополитической почвѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

А. Національно-государственное движеніе въ Индіи.

Насколько даже соціалистическіе мыслители и руководящіе политики не чутки къ туземцамъ и весьма далеки еще отъ правильнаго пониманія и рѣшенія туземнаго вопроса—видно уже изъ того, что даже столь выдающійся теоретикъ международной соціалъ-демократіи, какъ Карлъ Каутскій, проходитъ мимо великой проблемы Востока, не замѣчая ни сущности, ни характера того движенія, которое въ немъ происходитъ въ настоящемъ, и которое имѣетъ еще больше шансовъ въ будущемъ.

Въ вышедшей года два-три тому назадъ книжкѣ своей Каутскій пишетъ: Стремленіе расширить національное государство путемъ присоединенія къ нему иноязычныхъ, непокорныхъ народностей, обладающихъ уже развитой, современной демократіей или, по крайней мѣрѣ, стремящихся къ созданію таковой и въ которыхъ происходитъ дѣятельная національная жизнь, наталкивается на сопротивленіе со стороны насильственно присоединенныхъ націй, становящееся тѣмъ сильнѣе, тѣмъ непобѣдимѣе, чѣмъ шире и выше экономическое и политическое развитіе этого народа» *). «Но совершенно иначе,—такъ разсуждаетъ Каутскій дальше,—обстоитъ дѣло со стремленіемъ къ пріобрѣтенію или расширенію колоніальныхъ владѣній. Эти послѣднія не представляютъ (?) тѣхъ трудностей, съ которыми мы встрѣчаемся въ государствѣ націй (Nationalitätenstaat)... Со стороны туземнаго населенія не приходится (?) ожидать упорнаго сопротивленія такимъ измѣненіямъ (переходъ колоній изъ однѣхъ рукъ въ другія). Въ этомъ случаѣ единственно рѣшающимъ моментомъ является соотношеніе военныхъ силъ владѣтелей колоній» **).

---

*) Karl Kautsky, Nationalstatut Imperialistischer Stautund Stoutenbud Nurnberg 1915, стр. 15.

**) Тамъ же.

Если бы даже и былъ правъ Каутскій относительно низшихъ племенъ туземнаго населенія колоній въ томъ, что послѣднія якобы неспособны къ сопротивленію, тѣмъ паче организованному, то за то съ другой стороны нельзя, однако, забывать, что далеко не всѣ колоніи состоятъ изъ низшихъ племенъ, особенно, если мы обратимся къ «колоніальнымъ» владѣніямъ европейцевъ на Востокѣ, на азіатскомъ материкѣ. Если и допустить справедливость утвержденія Каутскаго относительно, скажемъ, Центральной Африки, гдѣ господствуютъ французы, и то весьма и весьма условную, то нельзя же подвести подъ одну и ту же рубрику все туземное населеніе или его преобладающее большинство и разсматривать ихъ какъ людей, «отъ которыхъ не приходится ожидать упорнаго сопротивленія». И среди туземнаго населенія существуютъ «непокорныя» и такія народности, которыя стремятся къ «созданію у себя развитій культуры», стоитъ вспомнить о національномъ движеніи въ Индіи, о панисламитскомъ движеніи мусульманъ въ Малой и Средней Азіи. И какъ бы мы ни относились къ существу и тенденціямъ этихъ частью прогрессивныхъ, частью реакціонныхъ движеній, но обойти ихъ простымъ умолчаніемъ о нихъ, какъ о фактахъ, игнорировать ихъ значеніе или не пожелать или не сумѣть учесть и предвидѣть ихъ серьезныя послѣдствія въ будущемъ отнюдь нельзя.

Исканіе «непокорныхъ» народностей, не такъ ужъ просто подчиняющихся деспотизму того или иного чужеземнаго имперіалистскаго государства, естественно привело насъ къ Востоку, т.-е. туда же, куда насъ завели и геополитическія изысканія,—въ этнографическую среду, вовсе не такъ ужъ благопріятную для произвольнаго проведенія тѣхъ или иныхъ геополитическихъ плановъ и «имперіалистическихъ схемъ»,—какъ разъ къ тому географическому пункту, который для такой классической страны имперіализма, какой является Англія, является наиболѣе важнымъ и рѣшающимъ моментомъ существованія или гибели имперіализма. Къ счасью, для борющагося противъ имперіализма человѣчества наиболѣе цѣнное для имперіалистической Великобританіи является въ то же время и наиболѣе уязвимымъ ея мѣстомъ, «Ахиллесовой пятой» ея существованія. Я разумѣю здѣсь Индію.

Если гдѣ-либо на Великомъ Востокѣ растетъ и крѣпнетъ новая послѣ китайской «непокорность», то ее можно встрѣтить именно здѣсь. И я, поэтому, рѣшаюсь смѣло сказать, что, благодаря своему особенному значенію, для британскаго имперіализма послѣдствія возрожденія Индіи будутъ имѣть міровое значеніе.

Если Россію справедливо считаютъ цитаделью міровой революціи, то и Индію можно смѣло назвать цитаделью революціи на Востокѣ,—революціи, которая не можетъ не отразиться кореннымъ образомъ и на Западѣ, и на всемъ мірѣ. Правда, борьба Востока противъ Запада происходитъ пока преимущественно на этнической почвѣ и

идетъ подъ знакомъ національнаго освобожденія и образованія самостоятельнаго индійскаго государства. Но, поскольку рѣчь идетъ объ отрицаніи имперіализма вообще, и о созданіи также и восточнаго фронта анти-имперіализма, постольку этотъ новый этнополитическій факторъ не можетъ быть слишкомъ высоко оцѣненъ, и всеобщая революція должна лишь точно учесть и правильно помѣстить его въ общую систему борьбы во имя освобожденія человѣчества отъ эксплоатаціи,—т.-е. во имя соціализма.

Но сперва попробуемъ набросать общую картину политическаго положенія въ Индіи въ связи съ англійскимъ господствомъ въ этой несчастной странѣ. Я не намѣренъ вдаваться здѣсь въ подробное описаніе фактовъ, характеризующихъ поведеніе англичанъ въ богатѣйшей и важнѣйшей своей колоніи, а ограничусь лишь тѣмъ, что попытаюсь охарактеризовать въ немногихъ словахъ основную тенденцію англійской политики въ Индіи.

Главная цѣль англійскихъ стремленій—убить индійцевъ, какъ націю, искоренить въ нихъ всякое національное самосознаніе, всякую попытку къ политической самостоятельности и уничтожить всякіе слѣды собственной промышленности, особенно обрабатывающей, и торговли, и еслибы англичане, по условіямъ климата, могли сами заселить и колонизировать эту богатѣйшую страну міра людьми бѣлой расы, то они не остановились бы и передъ физическимъ истребленіемъ туземцевъ. Подавленіемъ въ индійцахъ національно-политическаго самосознанія и лишеніемъ ихъ всякихъ правъ участія въ государственномъ и административномъ управленіи англичане добиваются того, чтобы совершенно превратить туземцевъ въ простую «рабочую скотинку», въ послушнаго плательщика налоговъ, въ вѣчнаго парія труда,—въ кули.

Насколько политика англичанъ въ Индіи носитъ хищническій характеръ—видно изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ: ежегодно англичанами выколачивается изъ Индіи—въ видѣ налоговъ и проч.—около полмилліона марокъ, не давая послѣдней взамѣнъ ровно ничего. Перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ Индіи такъ же колоссаленъ: онъ въ среднемъ равняется 786 милліонамъ марокъ въ годъ (См. цитир. выше сочин. Каутскаго, стр. 43).

Здѣсь, въ своемъ индійскомъ царствѣ, бриттъ не такъ либераленъ, какъ у себя дома (конечно, какимъ онъ былъ до войны), или въ другихъ непокорившихся ему «колоніяхъ», какъ напр., въ Австраліи и Южной Африкѣ. Здѣсь онъ проявляетъ всѣ свойства хищника, который намъ, русскимъ, хорошо извѣстенъ изъ недавняго прошлаго, но нынѣ въ «бозѣ почившаго» русскаго абсолютизма. Здѣсь сынъ Альбіона уже не лицемѣрно, т.-е. не либерально, эксплуатируетъ свою жертву, а самымъ беззастѣнчивымъ и откровеннымъ образомъ. Англійская фраза о «невмѣшательствѣ» во внутреннія дѣла индійцевъ, выраженная даже въ формѣ опредѣленнаго закона, на дѣлѣ

означаетъ лишь холодную безучастность, полное равнодушіе англійскихъ владыкъ къ нравственной и матеріальной судьбѣ беззащитнаго народа, отданнаго въ полную зависимость какъ отъ собственныхъ міроѣдовъ и хищниковъ, такъ и иноземныхъ грабителей и душителей. Взамѣнъ же этого Англія, для развитія и благоденствія Индіи, не сдѣлала ровно ничего: она не дала ей ни общихъ школъ и спеціальнаго образованія, ни хорошаго туземнаго управленія, ни охранительныхъ законовъ, защищающихъ народъ отъ міроѣдовъ и эксплуататоровъ, ни поощренія земледѣлія, торговли и промышленности, ни права участія въ политической и законодательной работѣ страны, въ созданіи арміи и флота,—вообще ничего не дѣлала и не дѣлаетъ такого, что дѣйствительно послужило бы на матеріальное и духовное благо самой страны, а не кучки засѣвшихъ тамъ капиталистовъ и бюрократовъ. Англія очень постаралась о томъ, чтобы для себя сдѣлать тамъ много, а для самой Индіи—ничего, или почти ничего.

Для развитія цивилизаціи и культуры въ странѣ, для развитія производительныхъ силъ страны, въ родѣ желѣзныхъ дорогъ, добывающей промышленности и проч., Англія сдѣлала лишь столько, сколько того требовали ея собственные интересы.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ положеніе вещей въ Индіи.

Всегда ли Индія покорялась англійскому владычеству и всегда ли индійцы позволяли грабить и разорять себя?

Нѣтъ, не всегда! Ибо какъ ни оцѣнивать и ни относиться къ этому факту, но нельзя отрицать того, что въ Индіи существовали и, конечно, будутъ существовать люди, къ какому бы классу и рангу они ни принадлежали, которые такъ или иначе оказываютъ противодѣйствіе англійскому господству, стремясь въ той или иной формѣ освободиться отъ него.

Въ 1857 году въ Индіи произошло очень серьезное возстаніе, кончившееся, правда, жестокимъ подавленіемъ его англичанами. Съ тѣхъ поръ національно-революціонное движеніе не прекращалось въ странѣ. Нынѣ мы встрѣчаемся тамъ съ движеніемъ, представленнымъ не только ежегодно собирающимся то въ одномъ, то въ другомъ центрѣ многолюднымъ конгрессомъ (родъ «Генеральныхъ Штатовъ» въ дореволюціонной Франціи), но и многочисленными тайными и явными комитетами и организаціями, вплоть до террористической. Несмотря на всю строгость цензуры и на иныя преслѣдованія, тамъ существуетъ очень сильная и весьма вліятельная пресса и издается богатая научная, философская и политическая литература. Оказывается, что, вопреки «примитивности» своей демократіи, индійцы умѣютъ давать довольно сильный отпоръ болѣе «передовой» демократіи Англіи, и этотъ отпоръ становится все ощутительнѣе и ощутительнѣе, все грознѣе и грознѣе.

Вотъ что пишетъ извѣстный индійскій эмигрантъ Ладжпатъ Рай изъ Лагора въ своихъ «Запискахъ», изданныхъ въ 1915 году въ Японіи.

Въ течепіе послѣднихъ лѣтъ недовольство въ Индіи возросло и часто выявляется въ видѣ мятежей и жестокостей. Англичане согласны, что это недовольство существуетъ, но они приписываютъ его исключительно злонамѣренной пропагандѣ нѣкоторыхъ недовольныхъ революціонеровъ, численность и значеніе которыхъ они умаляютъ, но чрезвычайно респрессивныя мѣры, къ которымъ Великобританскому Правительству пришлось прибѣгать, доказываютъ обратное. Множество индусовъ съ положеніемъ и образованіемъ были сосланы безъ суда; многіе подвергались заключеніямъ и арестамъ. Каждое письмо къ Индію или изъ Индіи вскрывалось и задерживалось, но, несмотря ни на какія мѣры, возстанія и политическія преступленія въ Индіи учащались. Количество арестовъ и обысковъ по подозрѣнію въ политическихъ преступленіяхъ не поддается учету. Во множествѣ случаевъ правительство пользовалось предоставленнымъ ему закономъ правомъ къ насилію. Сотни туземныхъ газетъ, редактируемыхъ индусами подвергались преслѣдованію, слѣдствіемъ чего являлось закрытіе ихъ и громадные денежные штрафы редакторовъ. Возстанія не прекращались въ странѣ въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ. Бывали времена затишья, но каждый такой періодъ заканчивался взрывомъ возмущенія. Война вызвала выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ среди туземнаго населенія. Въ этой войнѣ Англія имѣла великолѣпный случай навсегда привязать къ себѣ Индію довѣрчивой и доброжелательной политикой, но своимъ недовѣріемъ и увеличеніемъ числа жестокихъ приговоровъ она навсегда потеряла эту возможность. Мѣстное населеніе думаетъ: «если это случается во время войны, то на что же мы можемъ надѣяться послѣ окончанія ея?» Сравнивая первые шесть мѣсяцевъ войны съ послѣдними, можно судить о перемѣнѣ въ чувствахъ Индіи къ Англіи. Не только продолжались прежніе аресты, но пришлось даже усмирять войска и прибѣгать къ казнямъ. Это показываетъ, что недовольство въ Индіи не есть единичный случай, а напротивъ пустило глубокіе корни. Англичане же не хотятъ согласиться съ тѣмъ, что недовольство широко распространяется. Крайніе, въ англійской прессѣ даже требуютъ больше насилія и отрицаютъ примиреніе. Они не хотятъ, чтобы туземные жители занимали высшія должности. Они считаютъ, что Индія, будучи покорена мечомъ, имъ же и должна управляться. Они за полный и неограниченный деспотизмъ. Высшая же бюрократія, управляющая Индіей, не хочетъ признать сильно распространеннаго дурного отношенія туземцевъ, такъ какъ этимъ она признала бы свое правленіе неудачнымъ и тираническимъ съ точки зрѣнія народа. Нужно согласиться съ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ господство англичанъ въ Индіи хуже русскаго господства въ Туркестанѣ и хуже царскаго владычества въ Россіи...

Каждый смертный приговоръ, вынесенный революціонерамъ англійскимъ судомъ, пускаетъ корни движенія все глубже и укрѣпляетъ его основы.

Страданія политическихъ осужденныхъ и заключенныхъ дѣйствуютъ зажигающимъ образомъ на поборниковъ идей свободы, и страхъ никогда не остановитъ ихъ.

Всѣ классы Индіи глубоко недовольнны, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые извлекаютъ выгоды отъ великобританскаго правительства, но такихъ немного. При современныхъ законахъ индійская пресса едва ли можетъ вести кампанію въ пользу созидающихъ политическихъ идей. Она не можетъ даже обсуждать отвлеченныя политическія теоріи, такъ какъ ихъ могутъ принять за намеки. Она не можетъ говорить о прошломъ индійской исторіи, какъ не можетъ говорить и о бѣдствіяхъ и нуждахъ массъ, и лишена возможности призывать ихъ къ возстановленію своихъ правъ. Ни одинъ индійскій журналистъ не можетъ говорить языкомъ европейскихъ и американскихъ соціалистовъ, республиканцевъ и демократовъ противъ капиталистовъ, бюрократовъ и милитаристовъ, не рискуя попасть подъ судъ. Напримѣръ, никому нельзя доказать очевидными фактами и аргументами, что отчеты британскаго правительства касательно возстанія 1857 года неправильны; малѣйшая попытка защитить повстанцевъ отдастъ защитника въ руки суда и предоставитъ ему угрозу ссылки или смертнаго приговора. Что же касается индусовъ, поселившихся и работающихъ въ Канадѣ или Соединенныхъ Штатахъ, то имъ тамъ гораздо лучше, чѣмъ на родинѣ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ недвижимую собственность, другіе— крупные капиталисты; тѣмъ не менѣе показанія, касающіяся Лагорскаго заговора, говорятъ о томъ, что многіе изъ нихъ вернулись въ Индію только для того, чтобы пожертвовать жизнью за свободу родины. При допросѣ они не скрывали своей вражды къ иностранному правительству и открыто сознавались въ своемъ желаніи освободить родину.

Условія жизни туземцевъ становятся все тяжелѣе—и не проходитъ дня, чтобы они не чувствовали себя презираемымъ народомъ. „Любовь къ свободѣ, недавно проснувшаяся въ Индіи, находитъ поддержку въ бѣдности, отъ которой масса все больше страдаетъ. Главное, чѣмъ хвастаются англичане, это—защитой, оказываемой ими неимущему классу, но тѣмъ не менѣе бѣдность въ Индіи возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Тотъ фактъ, что англійское правительство вербуетъ себѣ солдатъ за жалованье, не достигающее пяти шиллинговъ въ недѣлю и полицейскаго меньше чѣмъ на четыре шиллинга, показываетъ, каково экономическое положеніе народа. Беззаконность въ Пэнджабѣ увеличивается и будетъ увеличиваться, пока экономическое положеніе не измѣнится. Дѣло въ томъ, что Индія управляется горстью бѣлыхъ въ интересахъ послѣднихъ и что это возможно только путемъ лишенія туземцевъ ихъ основныхъ правъ. Они лишены права ношенія оружія и военнаго обученія. И все это потому, что правительство имъ не довѣряетъ. Ихъ не допускаютъ въ военныя училища въ Индіи или Великобританіи и съ трудомъ разрѣшили имъ участіе въ европейской войнѣ. Это участіе привело ихъ въ неописуемый восторгъ; безъ индійскаго корпуса Англія не могла бы послать подходящихъ войскъ во Францію. Но англичане, чувствуя слабость своей власти въ Индіи, не допускаютъ индій-

цевъ къ ношенію оружія; этотъ несчастный народъ не имѣетъ даже права защищать свою жизнь, имущество и честь своей семьи.

Бросимъ взглядъ на образованіе и воспитаніе въ Индіи. Индія въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ уже полтораста лѣтъ находится подъ властью Англіи, въ Пэнджабѣ, по крайней мѣрѣ, 65 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе процентъ неграмотныхъ достигаетъ 95%. Невѣжество преобладаетъ среди крестьянъ и солдатъ. Правительство ничего не сдѣлало для просвѣщенія этихъ классовъ. Многіе утверждаютъ, что они намѣренно не вводили образованіе, чтобы индійцы были послушными орудіями въ ихъ рукахъ. Земледѣліе въ Индіи не приноситъ никакого дохода. Туземные торговцы недовольны, во-первыхъ, потому, что иностранныя конторы вывоза и ввоза находятся въ прямыхъ сношеніяхъ съ производителемъ и потребителемъ, что разрушаетъ ихъ дѣятельность; во-вторыхъ, потому, что удобства, которыми они могли пользоваться въ первые дни англійскаго владычества, теперь исчезли; въ-третьихъ, потому, что бюрократія возстанавливаетъ противъ нихъ земледѣльческіе и военные классы. О техническомъ же образованіи индійцевъ англичане не позаботились: во всей странѣ нѣтъ ни одного технологическаго института, и въ эти дни международной торговли Англія не предоставила туземцамъ возможности изученія европейскихъ языковъ: индійцевъ принуждаютъ только къ изученію англійскаго языка. Во всей Индіи нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ можно было бы студенту производить химическія изслѣдованія, или изслѣдованія, касающіяся какихъ-нибудь другихъ наукъ. Вся страна полна рудниками, но нѣтъ мѣста для изученія горнаго дѣла.

Точно также туземцамъ не предоставлено возможности изученія морского дѣла, даже коммерческаго. Во всей Индіи не существуетъ ни одной корабельной верфи. Англійское правительство никогда не вдумывалось въ эти вопросы, такъ какъ они его не касаются. Оно не заинтересовано въ развитіи туземной промышленности и въ улучшеніи положенія народа. Англичане сдѣлали многое для успѣха производства сырья (бумаги, овса, масла, сѣмянъ и пр.), необходимаго для ихъ промышленности или питанія, и почти ничего не сдѣлали для поощренія мануфактурной промышленности (!) Народъ Индіи долженъ пребывать въ невѣжествѣ и зависѣть въ отношеніи промышленности и торговли отъ англичанъ, такъ какъ послѣднимъ это выгодно. Но это—не все. Англійское правительство не заботится и о высшемъ образованіи туземцевъ, такъ какъ профессіи инженеровъ и докторовъ оно сохраняетъ для своихъ соотечественниковъ. Въ послѣднее время сильно увеличилось количество индусовъ, получившихъ высшее образованіе, но это не нравится англичанамъ, такъ какъ они не могутъ пользоваться ихъ знаніями, не уменьшая количества служащихъ въ Индіи англичанъ. Главная причина кроется въ боязни перехода власти изъ англійскихъ рукъ въ руки индійцевъ; поэтому на высшія администра-

тивныя должности индійцы не допускаются. Съ точки зрѣнія англичанъ Индія есть государство англійскаго народа и поэтому интересы послѣдняго должны превышать интересы индійскаго народа... Пока этотъ взглядъ сохранится, нѣтъ возможности ожидать, чтобы перемѣнилась политика правительства въ Индіи въ благожелательную сторону для достоинства индійцевъ и для устраненія ущерба, отъ котораго страдаетъ страна. Въ началѣ войны англійскіе политическіе дѣятели много говорили объ улучшеніи англо-индійскихъ отношеній, даже торійская печать многое обѣщала, но съ тѣхъ поръ тонъ перемѣнился; вмѣшательство палаты лордовъ и образованіе коалиціоннаго кабинета указываютъ на то, что на прежнія обѣщанія разсчитывать нельзя. Но послѣ войны безъ сомнѣнія придется обсудить нѣкоторые вопросы.

Конечно, нельзя отрицать того, что Индія не очень то далеко вышла за предѣлы примитивной демократіи. Если подъ примитивной демократіей подразумѣвать отсутствіе опредѣленныхъ формъ государственности и административнаго управленія, то Индія, конечно, стоитъ на примитивной ступени. Но если дѣло идетъ объ извѣстной степени развитія политическаго самосознанія, то нельзя не видѣть, что Индія, вопреки всѣмъ препятствіямъ, чинимымъ ей высоко развитой «демократіей» Англіи, стремится всѣми силами къ созданію, соотвѣтствующихъ ея болѣе зрѣлому политическому самосознанію, и болѣе совершенныхъ государственно-политическихъ формъ. Въ государственно-административномъ отношеніи и Австрія и Германія также не Богъ вѣсть какъ далеко ушли впередъ по пути демократизма; но развѣ кому-нибудь серьезно придетъ въ голову говорить о «примитивности» этихъ странъ, этихъ демократій. Съ Россіей до вчерашняго дня въ этомъ отношеніи дѣло обстояло еще хуже. Но, какъ русская революція рѣшительно опровергла такое упрощенное пониманіе демократіи, господствовавшее среди филистеровъ всѣхъ оттѣнковъ насчетъ «отсталой» Россіи, такъ, надѣемся, и Австрія, и Германія въ скоромъ времени явятъ міру примѣръ такого же краснорѣчиваго «опроверженія». Индія въ цѣломъ всѣми фибрами души стремится къ той высшей формѣ демократизма, которая возможна только въ предѣлахъ буржуазнаго строя; она обладаетъ какъ объективными, такъ и субъективными предпосылками, которыя выводятъ ее далеко за предѣлы существующаго у нея «государственнаго строя», навязаннаго ей англичанами. Существующее несоотвѣтствіе между сущимъ и желательнымъ объясняется здѣсь не внутренними причинами; это несоотвѣтствіе обусловлено не историко-культурными моментами, а факторами политическаго характера, приходящими извнѣ. Этой внѣшней силой, задерживавшей и задерживающей и понынѣ всяческое развитіе этой несчастной страны, является, какъ мы уже видѣли, англійскій деспотизмъ въ Индіи. Ибо дѣло не всегда и не вездѣ въ той или иной существующей выкристаллизовавшейся уже государствен-

ной формѣ, а въ тѣхъ или иныхъ общекультурныхъ, соціальныхъ и экономическихъ предпосылкахъ, имѣющихся налицо у даннаго народа. Не государствовѣдомъ формалистомъ надо здѣсь быть, а соціологомъ, видящимъ не только то, что находится на поверхности общественной жизни, но умѣющимъ предвидѣть возможное и исторически неизбѣжное.

Спрашивается теперь, обладаетъ ли индійскій народъ подобными предпосылками, которыя позволили бы намъ говорить о немъ не только какъ о демократіи, но и вообще какъ о націи въ самомъ элементарномъ смыслѣ слова? Отвѣтъ на этотъ вопросъ уже само собою предрѣшитъ и отвѣтъ относительно будущности Индіи, какъ о національномъ государствѣ, а также и о формахъ ея государственнаго устройства.

Что прежде всего нужно для національнаго существованія какого-либо народа? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимся снова къ давно нами оставленному, но незабытому профессору Кьеллену, у котораго мы и здѣсь находимъ если не точную формулировку понятія національнаго, то, по крайней мѣрѣ, классификацію національныхъ типовъ.

Кьелленъ различаетъ три типа національностей: а) когда нація обладаетъ единствомъ, но лишена государственной свободы; таковы чехи въ Австро-Венгріи, ирландцы въ Англіи и (были) латыши въ царской Россіи; б) когда нація частично владѣетъ свободой, но не обладаетъ единствомъ т.-е., когда государство находитъ части своей націи въ чужомъ государствѣ,—яснѣе, когда оторванныя части собственной націи находятся подъ чужой властью («Irredenta»). Такое состояніе Кьелленъ называетъ національными ранами; в) когда нація лишена какъ единства, такъ равно и свободы, совершенно находясь подъ чужою властью различныхъ государствъ. Съ національной точки зрѣнія это—худшая обида.

Вполнѣ исчерпывающе классифицируя національные типы, Кьелленъ въ то же время не даетъ, какъ мы уже сказали, никакого опредѣленія самаго понятія націи. Мы вынуждены, поэтому, дополнить его классификацію своимъ опредѣленіемъ національнаго.

Итакъ, что же такое единство въ нашемъ, болѣе глубокомъ (качественномъ), смыслѣ слова? Чѣмъ оно обусловливается?

Намъ кажется, что можно говорить объ единствѣ націи въ слѣдующихъ пяти случаяхъ: во-первыхъ, когда извѣстное количество людей, къ какой бы расѣ или расамъ оно ни принадлежало (ибо раса никогда не совпадала съ націей и ея не обусловливала), обладаетъ извѣстной территоріей, на которой оно живетъ или какъ осѣдлый, или какъ кочующій народъ, и когда, кромѣ того, эта территорія тоже обладаетъ извѣстнымъ единствомъ физической природы; во-вторыхъ, когда онъ говоритъ и пишетъ на одномъ общемъ языкѣ; въ-третьихъ, когда такой народъ имѣетъ одну общую культуру,

исповѣдуетъ одну общую религію и раздѣляетъ одни и тѣ же вѣрованія; въ-четвертыхъ, когда онъ подверженъ однимъ общимъ условіямъ развитія и можетъ оглянуться на одинаковое историческое прошлое и, въ-пятыхъ, когда онъ объединенъ стремленіемъ къ сохраненію, если таковая существуетъ, и къ достиженію, если ея нѣтъ, общенаціональной и политической своей самостоятельности, законченной формой которой является общность власти. Въ то время какъ первые четыре признака національнаго суть признаки объективные (одни физическіе, другіе соціально-психологическіе и историческіе), послѣдній является признакомъ чисто-субъективнымъ, такъ какъ онъ относится уже къ области оцѣнки и волевыхъ устремленій. Что касается распредѣленія признаковъ, то они могутъ принадлежать какой-либо націи или порознь или въ нѣкоторомъ своемъ количествѣ или же во всей своей совокупности. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло съ очень несложнымъ и примитивнымъ соціальнымъ организмомъ, во второмъ—съ болѣе совершеннымъ соціальнымъ цѣлымъ, а въ-третьемъ — съ совершенно идеальнымъ національнымъ образованіемъ. Къ идеальному типу націи ближе всего подходитъ одна только Франція (конечно, коренная, безъ колоній): она обладаетъ всѣми перечисленными признаками, т.-е. не только сложнымъ и многообразнымъ единствомъ, но и національной свободой, т.-е. государственной независимостью. Но въ столь счастливомъ положеніи не находится ни одна нація міра и отъ такого идеала далека не только Индія, но и гораздо болѣе передовыя и развитыя страны всего міра.

Занимающая насъ здѣсь Индія полностью обладаетъ только первымъ и основнымъ признакомъ націи: она вполнѣ представляетъ собою географическую единицу, хотя географическая ея природа далеко не отличается единствомъ; далѣе она въ самомъ общемъ смыслѣ обладаетъ вторымъ признакомъ, т.-е. общностью языка, поскольку всѣ многочисленные языки и нарѣчія Индостанскаго полуострова имѣютъ одинъ общій корень—санскритъ; въ нѣкоторой степени—третьимъ (религіей) и въ незначительной—четвертымъ (историческимъ прошлымъ), но зато она въ высшей степени вознаграждена пятымъ—субъективнымъ—признакомъ, т.-е. закономѣрностью національнаго самосознанія, хотя она пока еще лишена свободнаго и фактическаго его проявленія.

Отсутствіе разговорнаго общенаціональнаго языка, кромѣ навязаннаго индійцамъ англійскаго, а также санскрритскаго, который въ счетъ не идетъ, такъ какъ онъ является языкомъ ученыхъ и интеллигентовъ, разнообразіе и пестрота географическихъ, климатическихъ и другихъ условій и множественность религій, среди которыхъ все-таки преобладаетъ индусская (буддійская) религія, дѣйствительно являются объективными препятствіями, сильно тормазящими дѣло національнаго объединенія въ Индіи. И, въ самомъ дѣлѣ, какъ нельзя говорить о гетерогенной (однородной) и единой Европѣ, точно

такъ же нельзя говорить и объ однородной, цѣльной Индiи. Можемъ ли мы говорить объ Индiи вообще при томъ условiи, когда въ ней говорятъ и пишутъ чуть ли не на ста пятидесяти языкахъ и нарѣчiяхъ и, когда житель одной провинцiи зачастую совершенно не понимаетъ жителя другой? Разумѣется, такъ же мало, какъ мало можно говорить и объ Европѣ «вообще»... Но если коррективами пестроты и индивидуализацiи природы, языковъ и государствъ современной Европы являются съ одной стороны развитыя средства передвиженiя и сообщенiя, а съ другой—общая образованность и культурное взаимодѣйствiе,—коррективы, которые, при наличности извѣстныхъ политическихъ и соцiальныхъ предпосылокъ, явятся въ свое время условiями интернацiонализацiи Европы, то что же служитъ коррективомъ «индивидуализацiи» всей огромной Индiи? Ясно также, что англiйскiй языкъ не можетъ служить подобнымъ коррективомъ или связующимъ звеномъ, такъ какъ онъ является языкомъ господъ и повелителей, да и то такимъ, на которомъ, какъ и на санскритскомъ, индiйцы въ массѣ не говорятъ. Тренiя, которыя часто происходятъ на почвѣ религiи и обрядовъ между индусами и мусульманами, тоже не могутъ способствовать нацiональному объединенiю. Затѣмъ распри между «владѣтельными князьями», которыхъ съ благоволенiя англичанъ въ Индiи еще и до сихъ поръ не мало, мелочная борьба между ними изъ-за почестей, власти,—борьба, въ которую втягивается и само туземное населенiе, служатъ излюбленной темой и вѣскимъ аргументомъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что индiйцы безъ Англiи и жить не могутъ, что на второй же, молъ, день послѣ удаленiя англичанъ изъ Индiи здѣсь начнутся взаимные раздоры, страшная рѣзня кастъ, сектъ, религiй и нарѣчiй, и вмѣсто ожидаемаго единства получится пагубный для всей прекрасной Индiи развалъ, анархiя, которою воспользуются еще большiе хищники, въ родѣ германскаго и японскаго имперiализма. Все это было бы такъ, если бы объединенiе Индiи зависѣло исключительно отъ внѣшнихъ факторовъ, если бы въ этой странѣ дѣйствовали однѣ только центробѣжныя силы. Но въ Молодой Индiи пробудились уже давно и центростремительныя силы, торжествующiя надъ другими, имъ враждебными, силами. Этой собирающей и организующей силой является тотъ доминирующiй въ современной жизни Индiи факторъ, который поставленъ мною выше пятымъ признакомъ нацiональнаго, а именно: ростъ нацiональнаго самосознанiя индiйцевъ и стремленiе ихъ къ нацiональному единству и государственной свободѣ.

Упомянутыя препятствiя этническаго и историческаго свойства могутъ быть устранены средствами чисто-политическаго характера; этно-политика можетъ и должна здѣсь быть превзойдена опредѣленной государственной политикой, къ которой мы сейчасъ и перейдемъ.

Дѣло въ томъ, что, какъ я уже замѣтилъ, надъ всей общественной жизнью Индіи доминируетъ одно сильное желаніе, одна великая страсть и плѣняетъ мысль одна идея, которая вся направлена на освобожденіе страны отъ чужеземнаго ига. Эта идея-сила обладаетъ магической способностью собирать вокругъ себя всѣ элементы туземнаго общества какъ вокругъ извѣстнаго идейнаго центра. Общее стремленіе къ національной свободѣ спаиваетъ всѣ народности, составляющія то, что мы называемъ однимъ собирательнымъ именемъ Индіи, въ одно органическое цѣлое, и поможетъ ей, можетъ-быть, въ близкомъ будущемъ создать то единство, которымъ не одарили ее въ достаточной мѣрѣ ни ея природныя условія, ни ея этнографическія предпосылки, ни ея историческое прошлое. Весь вопросъ лишь въ томъ, какъ разрѣшить проблему власти для огромной и многообразной Индіи, какъ организовать въ ней крѣпкую и отвѣчающую условіямъ ея существованія власть и государственность и какая форма управленія является для нея наиболѣе цѣлесообразной.

Единственно подходящей для Индіи формой государственнаго строя является федерація. Если вопросъ объ единствѣ націи не можетъ, какъ мы видѣли, найти въ Индіи свое удовлетворительное рѣшеніе на почвѣ централизма (бюрократизма тожъ), то онъ можетъ найти свое полное рѣшеніе въ федерированіи всѣхъ индійскихъ провинцій между собою и, такимъ образомъ, создать государство, основанное на болѣе идеальныхъ началахъ, нежели то, которое создала у себя раздробленная, разрываемая на части и вѣчно ссорящаяся Европа,—Соединенные Штаты Индостанскаго полуострова. Если общія условія развитія Индіи не позволяютъ ей идти отъ единства къ свободѣ, то къ этому единству она можетъ идти обратнымъ путемъ,—отъ свободы къ недостающему ей единству—и именно черезъ федерацію.

Индія очень опредѣленно вступила въ историческій циклъ общенаціональнаго строительства въ періодъ возникновенія новаго, самостоятельнаго государства на ея территоріи. Въ настоящій историческій моментъ общенаціональные интересы всѣхъ классовъ Индіи совпадаютъ, конечно, лишь временно, въ то время, какъ въ соціально-экономическомъ отношеніи они такъ же расходятся какъ и во всемъ остальномъ буржуазномъ мірѣ. Но чѣмъ больше первые совпадаютъ, тѣмъ легче борьба съ англійскимъ и инымъ имперіализмомъ, тѣмъ легче поднять въ Индіи знамя возстанія противъ чужеземнаго ига. Индія представляетъ собою такую же благопріятную почву для широкихъ соціальныхъ преобразованій, для развитія въ ней аграрнаго и иного соціализма, какъ и Россія, но путь къ этому лежитъ у нея черезъ національное движеніе, черезъ созданіе основной предпосылки всякой соціальной жизни—черезъ государственность. При данной исторической

обстановкѣ въ данномъ періодѣ развитія страны культивированіе здороваго, организующагося о обороняющагося націонализма является такимъ же прогрессивнымъ дѣломъ, какимъ была и освободительная война въ Италіи, шедшая также подъ знаменемъ національнаго объединенія. Въ настоящій моментъ индійское движеніе не можетъ быть инымъ, какъ національнымъ (но, конечно, не шовинистически-націоналистическимъ!).

Индія обнаруживаетъ удивительное сходство съ Россіей прошлаго,—и не только въ національномъ и политическомъ, но и въ соціальномъ отношеніи,—сходство, о которомъ я уже упомянулъ вскользь выше и которое послужитъ предметомъ особаго изслѣдованія. Ей предстоитъ также и будущность Россіи—стать авангардомъ соціальной революціи и коренныхъ аграрныхъ и иныхъ преобразованій на азіатскомъ материкѣ. Таковымъ сдѣлаютъ ее ея преимущественно аграрныя отношенія и общинно-правовой строй («панчайатъ»). Индія можетъ и должна стать для Востока тѣмъ, чѣмъ нынѣшняя Россія уже стала для Запада и можетъ еще сдѣлаться также и для Востока—очагомъ революціи во имя освобожденія какъ угнетенныхъ націй, такъ и трудящихся массъ отъ эксплуатаціи имперіализма,—факторомъ антиимперіализма на обоихъ фронтахъ его: національномъ и классовомъ.

Пока же для Индіи рѣчь можетъ идти только о революціи національной, какъ объ общей базѣ, основѣ всякаго другого движенія; дѣло въ ней идетъ въ настоящій историческій моментъ о завоеваніи самихъ условій всяческаго иного развитія, именно—о государственной свободѣ и независимости.

Но государство государству рознь, какъ и само движеніе, наблюдаемое въ Индіи въ пользу государственной независимости. Необходимо, поэтому, бросить еще взглядъ и на классовый составъ носителей этого національнаго движенія, на то содержаніе, которое тэй или иной общественной группой вкладывается въ это «обще-національное» движеніе. Ибо совсѣмъ не къ лицу соціалисту или просто хорошему демократу задача культивированія государственнаго строя, хотя бы онъ былъ и архи-національнымъ, если онъ противорѣчитъ соціализму и не отвѣчаетъ условіямъ и требованіямъ его развитія. Мы можемъ поддерживать, говоря обще, только прогрессивный націонализмъ, какимъ преимущественно является индусскій, и то только постольку, поскольку онъ не противорѣчитъ принципамъ и требованіямъ истиннаго народовластія, т.-е. власти Совѣтовъ народныхъ представителей. Но на обширномъ Востокѣ и въ значительной части Индіи мы встрѣчаемся также и съ такимъ національнымъ движеніемъ, которое носитъ явные слѣды консерватизма и реакціонности. Такимъ, напримѣръ, отчасти является панисламитское движеніе мусульманъ Малой Азіи, Афганистана, Персіи и Индіи, которое носитъ въ себѣ зародыши будущаго туземнаго деспотизма на второй день послѣ сверженія иноземнаго владычества. Это видно хотя

бы уже и изъ новѣйшей турецко-нѣмецкой оріентаціи мусульманъ Малой и Средней Азіи. Уже одна попытка нѣмцевъ искать опору среди мусульманъ указываетъ на то, какая контръ-революціонная опасность заключается въ панисламизмѣ. Это заставляетъ насъ быть очень осторожными въ оцѣнкѣ этого движенія и относиться къ нему со строгимъ разборомъ, выдѣляя изъ него истинно-прогрессивный элементъ, который несомнѣнно имѣется и въ немъ. На какіе элементы, на какую общественную группу и на какое общественное теченіе опирается здѣсь (въ Средней Азіи) турецко-нѣмецкая политика? Несомнѣнно, не на тотъ демократическій и чисто-оборонительный націонализмъ, которымъ характеризуется современное здоровое національное и прогрессивно-революціонное, какъ среди мусульманъ, такъ и среди индусовъ, движеніе въ Индіи, а на малокультурное, анти-демократическое и контръ-революціонное панисламитское движеніе, возглавляемое Турціей, а нынѣ—и Германіей. Именно эту дремлющую еще въ нѣдрахъ азіатскихъ господствующихъ классовъ силу пробудятъ германцы своимъ походомъ на Индію.

Послѣ такой общей характеристики панисламизма мы можемъ перейти и къ болѣе обстоятельному описанію и углубленному анализу этого движенія, обнимающаго пространство, на которомъ живетъ болѣе 300 милліоновъ людей, исповѣдующихъ Исламъ.

Панисламитское движеніе.

В. Національно-религіозное движеніе Ислама.

Если мы фигурально назвали Индію цитаделью Революціи Востока, то пусть будетъ мнѣ позволено назвать юго-восточную мусульманскую часть Россіи, Персію, Турцію и Египетъ воротами или, какъ ихъ еще иногда называютъ, «внѣшними валами», закрывающими или открывающими доступъ въ эту цитадель. Благопріятное или неблагопріятное отношеніе мусульманскаго міра къ освободительному движенію на всемъ Востокѣ имѣетъ огромное значеніе не только въ принципіальномъ, но и въ практическомъ отношеніи, хотя бы уже по одному тому, что въ самой Индіи насчитывается $62^1/_2$ милліона исламитовъ, изъ которыхъ больше $8^1/_2$ милл. разбросаны по всей территоріи Индіи, а остальные живутъ концентрировано на одной территоріи. Положительное или отрицательное отношеніе остального мусульманскаго міра къ своимъ единовѣрцамъ въ Индіи весьма, конечно, важно для дѣла національно-государственнаго объединенія. Но и обратное вліяніе индусовъ на своихъ сосѣдей, какъ внутри, такъ

и внѣ своей страны—не менѣе значительно и важно. Это со стороны принципіальной, съ точки зрѣнія единства революціоннаго фронта Востока; но не менѣе важна и геополитическая сторона вопроса, которая насъ спеціально будетъ интересовать въ связи съ практической постановкой вопроса.

Возможно ли, и на какой именно почвѣ, національное объединеніе и освобожденіе всего Ислама? Мыслимъ ли онъ какъ цѣлое и имѣетъ ли онъ достаточно силы къ возрожденію и прогрессивенъ ли онъ вообще, т.-е. насколько заложенъ въ немъ элементъ народовластія? Какъ и индусы, мусульмане всего міра представляютъ собою одно цѣлое, хотя и на совершенно другой почвѣ: въ то время, какъ индусское единство объективно, обусловлено главнымъ образомъ территоріально и въ значительной степени на почвѣ общности языка и религіи (индусская религія, частичная и не всегда вѣрная наслѣдница браминской и ведической религій, насчитываетъ 207 милліоновъ послѣдователей), мусульманское единство заключается не въ территоріальной и не въ прочей этнографической основѣ,—оно зиждется почти исключительно на духовно-культурной базѣ, на религіи, являющейся для мусульманъ и теологіей, и этикой, и юстиціей и верховной земной властью, т.-е. государствомъ. Исламъ—это власть экстерриторіальная, подобно нынѣ находящейся уже въ упадкѣ власти католицизма. Съ самыхъ древнихъ временъ Исламъ была религіей дѣйственной, политической; мусульмане не исключительно или преимущественно теологическій народъ, а народъ политическій; ихъ религіозная жизнь насквозь пропитана духомъ политизма и націонализма и весьма при томъ воинственнаго, особенно въ давно прошедшія времена ихъ исторіи. Въ единствѣ, я бы сказалъ «религіозной политикѣ» мусульманъ, и заключается ихъ особенность, ихъ отличительная черта, дающая намъ право считать ихъ единой націей, несмотря на то, что они лишены общности языка, территоріи и раздроблены въ Азіи на нѣсколько государствъ, а въ Россіи находятся лишь въ стадіи образованія такового.

Но это духовное единство далеко не всегда было прочно, оно то и дѣло разбивалось, раздроблялось на мелкія части. Догмы и ученіе Магомета то и дѣло подвергались и подвергаются и понынѣ многочисленнымъ толкованіямъ, дѣлящимъ Исламъ на множество сектъ и направленій. Насъ, конечно, не можетъ интересовать здѣсь ни исторія ни богословіе исламизма, насчитывающаго, какъ я уже сказалъ, ни болѣе ни менѣе какъ около 300 милліоновъ адептовъ, но укажемъ лишь на ту тенденцію развитія исламизма, которая имѣетъ для нашей постановки вопроса рѣшающее значеніе. Профессоръ І. Гольдцигеръ пишетъ въ своихъ «Лекціяхъ объ Исламѣ» слѣдующія знаменательныя слова: «Благодаря вліянію факторовъ, частью психическаго, частью историческаго характера, въ Исламѣ выработалось культурное явленіе, которое, какъ ни противорѣчитъ ему исламитское

богопониманіе и какъ ни отрицательно относится къ нему настоящая сунна (преданіе, ортодоксія, догматика), быстро пріобрѣло право гражданства на всемъ громадномъ пространствѣ исламитскаго міра.

«Въ настоящее время передовой силой шіитства является Персія, положившая начала шіитству въ эпоху водворенія въ этой странѣ династіи Сефеви (1501—1721), утвердивъ его въ своемъ персидскомъ государствѣ, какъ господствующую форму религіи. Въ позднѣйшее время (1-я половина прошлаго столѣтія) мы видимъ мимолетное объединеніе обѣихъ сектъ въ совмѣстной борьбѣ за свободу противъ завоевателей на Кавказѣ съ Шамилемъ и его мюридами во главѣ».

«Движеніе, о которомъ много говорилось въ послѣднія десятилѣтія и на которое подъ именемъ панисламизма привыкли смотрѣть то какъ на опасность, то какъ на призракъ, пробудило въ магометанскихъ кругахъ мысль сгладить сектантскія различія въ пользу единообразнаго объединенія. Въ сторонѣ отъ панисламитскихъ тенденцій, скорѣе благодаря современнымъ культурнымъ стремленіямъ, такія мысли объ объединеніи возникли въ русско-исламитской области, гдѣ въ послѣднее время проявляется много признаковъ здороваго процесса въ средѣ мусульманскаго населенія. Сунниты принимаютъ участіе въ богослуженіи въ шіитскихъ мечетяхъ и въ Астрахани раздаются такія, напр., рѣчи проповѣдника: «Существуетъ только одинъ Исламъ; только подъ достойнымъ сожалѣнія вліяніемъ философовъ и греческихъ привычекъ разногласія комментаторовъ вызвали въ эпоху абассидовъ расколъ»... Подобные же признаки сближенія обѣихъ враждебныхъ сектъ въ послѣднее время обнаруживаются и на соціальной почвѣ въ Месопотаміи съ одобренія шіитскихъ авторитетовъ Недшефа» *).

Авторъ приложенной къ цитированной книгѣ статьи: «О культурномъ движеніи среди русскихъ татаръ» оріенталистъ Г. Вамбери, сдѣлавъ болѣе подробный обзоръ этого самопроизвольнаго пробужденія силъ, примѣръ котораго показали намъ татары и котораго не было даже въ Индіи, называетъ культурныя стремленія татаръ «необычайными», даже «феноменальными».

Въ какомъ смыслѣ и въ какомъ направленіи можетъ и должно быть использовано культурное панисламитское движеніе мусульманъ, ихъ стремленіе къ національному единству? И тутъ, какъ и при рѣшеніи индусскаго вопроса, мы должны дать одинъ и тотъ же опредѣленный отвѣтъ: это культурное движеніе къ единству должно быть использовано во имя національной свободы, послѣднее слово которой есть государственная независимость. Какъ идеальная форма государства, есть государство національное, такъ и ко-

*) Лекція объ Исламѣ (Изд. «Брокгаузъ и Ефронъ» 1912 стр. 243 русс. пер.).

нечная цѣль цѣлостной націи—есть государственное существованіе, и здѣсь, въ мусульманскомъ мірѣ, какъ и вездѣ во всемъ остальномъ мірѣ, долженъ быть совершенъ естественный, а потому и неизбѣжный циклъ: отъ національнаго единства къ національной свободѣ, какъ бы отрицательно гг. Кьеллены и другіе имперіалисты къ этому ни относились...

Среди русскихъ мусульманъ процессъ этотъ уже начался. Октябрьской революціей вполнѣ законно воспользовались крымскіе, приволжскіе и уральскіе татары и объявили себя независимой Татарско-Башкирской Республикой. Это движеніе, естественно, не останется безъ вліянія и на остальныхъ мусульманъ всего міра и навѣрно послужитъ сигналомъ для такого же національнаго и политическаго движенія и въ другихъ мусульманскихъ земляхъ Востока и Сѣверо-Востока Африки, т.-е. въ Персіи, Турціи, Исламитской части Индіи и въ Египтѣ; по крайней мѣрѣ, оно должно стать таковымъ, и въ интересахъ освобожденія Востока мы должны поддерживать его, поскольку, разумѣется, оно будетъ носить демократическій характеръ и не противорѣчить интересамъ общаго развитія. И вотъ спрашивается теперь, куда это движеніе по условіямъ уже чисто территоріальнаго характера, можетъ и должно переброситься; съ кѣмъ должна въ первую голову сблизиться русская революція вообще и «русскіе» мусульманскіе демократы—въ частности?

Въ силу такой постановки вопроса мы переходимъ теперь уже къ практическому рѣшенію его.

Въ то время, какъ русская мусульманская область является въ настоящее время наиболѣе культурнымъ центромъ панисламитскаго, т.-е. національно-религіознаго и національно-политическаго движенія, слѣдующая за нею далѣе къ югу-востоку Персія можетъ сыграть крупную роль геополитическаго центра для исламитства, ибо Персія, вообще Иранское плоскогоріе, лежитъ какъ разъ въ центрѣ всего исламитскаго міра, образуя собою платформу, соединяющую Азію ледовитую съ Азіей тропической, Азіатскую Россію—съ Индіей. Отсюда удобно и легко, поэтому, организаціонно связывать Исламъ въ Оттоманской Имперіи съ одной стороны и въ Египтѣ—съ другой, и обѣ эти части Ислама связать съ русскимъ и индійскимъ Исламомъ. Персія—это связующее звено, передаточный пунктъ, наконецъ, мостъ, соединяющій мусульманское движеніе въ Россіи съ индусскимъ въ Индіи съ одной стороны и младо-египетское, съ индусскимъ освободительнымъ національнымъ движеніемъ—съ другой. Мнѣ все это огромное движеніе представляется, въ видѣ двухъ встрѣчныхъ мощныхъ потоковъ, берущихъ свое начало изъ двухъ источниковъ-центровъ, одинъ—изъ Россіи, а другой—изъ Индіи и вливающихся въ одинъ общій бассейнъ, именуемый Персіей, откуда волны движенія могутъ переброситься и на султанскія земли въ Малой Азіи и европейской Турціи, на востокъ и сѣверо-востокъ Африки (на

Египетъ) и захлеснуть и ихъ, утопивъ ихъ въ морѣ прогрессивнаго и демократическаго панисламитскаго движенія, выросшаго, хотя изъ религіи, но имѣющаго высшую точку въ государственно-политической идеѣ федераціи мусульманскихъ народовъ.

Значеніе Персіи для созданія своего рода «Интернаціонала Востока» огромно. Но, если ея значеніе заключается въ томъ, чтобы служить естественнымъ «бассейномъ» движенія во всей центральной Азіи, то въ первую голову приходится позаботиться о томъ, чтобы самый этотъ бассейнъ былъ бы совершенно чистъ отъ всякаго мусора и осадковъ, засоряющихъ какъ самое дно этого резервуара, такъ и его каналы, черезъ которые, можетъ-быть, должны будутъ протекать чистыя и бурныя воды движенія. Мы должны теперь поэтому посмотрѣть, что на самомъ дѣлѣ собой представляетъ этотъ «бассейнъ», чтобы убѣдиться въ томъ, пригодна ли Персія играть въ настоящее время подобную роль, которую, какъ намъ кажется, на нее возлагаетъ какъ исторія, такъ и сама природа Персіи.

Къ сожалѣнію, приходится признать, что Персія, несмотря на происшедшій въ ней переворотъ, все еще представляетъ собою скорѣе мусорную яму, нежели настоящее вмѣстилище для чистыхъ водъ. Вотъ что говоритъ о современной Персіи французъ, который, повидимому, хорошо знакомъ съ персидскими дѣлами изъ практики:

«Совершилась революція, но только по имени. Съ удаленіемъ одного Каджара, что измѣнилось въ Персіи?—спрашиваетъ онъ.— Урегулирована ли жизнь кочевниковъ? Получили ли деревни защиту? Стали ли горожане настолько безкорыстными и мужественными, чтобы подумать о возрожденіи націи? Менѣе ли жаденъ дворъ, менѣе ли продажны чиновники? А духовенство? Думаетъ ли оно посократить нѣсколько свою тиранническую эксплуатацію? Что ждетъ впереди молодую Персію? Она можетъ разсчитывать только на горсть молодыхъ людей, образованныхъ и неопытныхъ, на нѣсколько клубовъ—патріотическихъ, но лишенныхъ связи съ народомъ», и т. д. И авторъ далѣе восклицаетъ: «Если бы среди этихъ соперниковъ русскихъ (Эта книга была написана въ 1910 году К. Т.)—турокъ, нѣмцевъ, англичанъ— Персія, по крайней мѣрѣ, имѣла друга и искренняго совѣтника»?! *).

Если въ 1910 году, когда авторъ писалъ свою книгу и могъ еще говорить, что: «и теперь, какъ всегда, чужеземцы подстерегаютъ проявленіе слабостей Персіи и готовы занять путь въ Индію, эту платформу, соединяющую Азію ледовитую съ Азіей тропической» (Стр. 298 цит. произведенія), то, по крайней мѣрѣ, къ однимъ чужеземцамъ сказанноое непримѣнимо болѣе, начиная съ 1917 года—къ русскимъ, особенно послѣ октября того же года, ознаменовавшагося въ области своей новой внѣшней политики по отношенію къ Персіи

*) В. Берахъ, «Персія и персидская смута» (Изд. „Брокгаузъ и Ефронъ“, стр. 296)

расторженіемъ всѣхъ договоровъ, заключенныхъ между царемъ и Англіей. Авторъ обращается къ французской дипломатіи съ призывомъ понять свой «святой долгъ» и «жизненные интересы» (причемъ неизвѣстно, что является «святымъ»: «долгъ» или «интересы»?) и... субсидировать Персію французскими капиталами, конечно, ни съ какой иной цѣлью, какъ закабалить Персію французскому финансовому капиталу вмѣсто англійскаго, нѣмецкаго или русскаго «блаженной памяти». Отъ этого, конечно, Персія не станетъ лучше, и имперіалистическая Франція была бы не лучшимъ совѣтникомъ Персіи, чѣмъ Англія или самодержавная, дореволюціонная «Россія» или Германія. Нѣтъ лучшаго друга и болѣе вѣрнаго совѣтника *народной* Персіи, нежели *народная* же Россія, ибо интересы обѣихъ націй объективно совпадаютъ въ своей обще-демократической основѣ. Искреннимъ, безкорыстнымъ другомъ, цѣннымъ совѣтникомъ и надежнымъ помощникомъ демократически оріентированной Персіи можетъ и должна стать революціонная Россія. Наша помощь молодой Персіи должна выражаться въ видѣ поощренія демократическаго движенія и государственнаго строительства въ этой ограбляемой всѣми хищниками міра странѣ, помочь ей очиститься отъ всѣхъ хищническихъ элементовъ извнѣ и извнутри, отъ иностранныхъ капиталистовъ съ одной стороны и собственныхъ паразитовъ, въ лицѣ своего шаха и всей его шайки грабителей—съ другой, установить демократическій режимъ, опирающійся преимущественно на трудовое *земледѣльческое населеніе*, являющееся соціальной базой страны, установить въ ней правовой порядокъ и судъ, который, въ виду постоянной угрозы кочевниковъ, играетъ въ Персіи особенную роль,—роль защиты земледѣлія отъ хищничества и разбоевъ,—словомъ, создать въ этой странѣ вполнѣ нормальныя условія для ея политическаго и экономическаго развитія. И если понадобиться для этого возстаніе, то мы должны помочь младоперсамъ и въ этомъ святомъ дѣлѣ, благо наши границы соприкасаются, благо персидскіе мусульмане находятся въ тѣсной этнографической и религіозной связи и близкомъ сосѣдствѣ съ русскими мусульманами. Въ развитіи демократизма и искорененіи имперіализма иностранныхъ державъ, свившихъ себѣ гнѣздо также и въ Персіи, мы заинтересованы, конечно, не тѣмъ, чтобы самимъ тамъ занять положеніе хозяевъ, а единственно тѣмъ, чтобы на почвѣ созданія единаго фронта демократическаго Востока, создать вмѣстѣ съ тѣмъ и анти-имперіалистическій фронтъ и противопоставить, такимъ образомъ, эту грозную силу, своего рода «Интернаціоналъ Востока», Западному Интернаціоналу Капитала, угрожающему непосредственно и намъ, и нашей Революціи. Наша политика по отношенію къ Персіи, должна быть, для даннаго цикла ея развитія исключительно революціонно-демократической. Въ этомъ—нашъ *высшій* жизненный интересъ, совершенно совпадающій съ истинными интересами персидскаго народа. Расчистка

этого естественнаго бассейна является первѣйшей и самой неотложной задачей обѣихъ націй,—насъ и самихъ персовъ. И если Персія является «воротами», черезъ которыя можно проникнуть въ цитадель Революціи Востока—въ Индію, то ворота эти должны сумѣть раскрыть мы — и только мы, революціонеры, живущіе на «рубиконѣ» Запада и Востока. Наша ближайшая задача заключается въ томъ, чтобы поднять возстаніе въ Персіи и расчистить почву дальше на Востокъ, въ Индію, въ Китай, въ твердыню имперіализмовъ Англіи, Америки и Японіи. Революція въ Персіи должна стать сигналомъ для ряда революцій на всемъ огромномъ пространствѣ Азіи и отчасти въ Африкѣ — въ Египтѣ, гдѣ давно уже накопилось достаточно горючаго матеріала для взрыва.

Положенію дѣлъ въ Персіи въ пользу демократіи мы придаемъ огромное значеніе для дѣла освобожденія всего Востока. Почва для возстанія въ Персіи давно подготовлена: ее подготовляли сами имперіалисты Англіи и «Россіи», Франціи и Германіи; нуженъ только толчокъ извнѣ, нужна помощь, иниціатива, рѣшительность. Этимъ толкомъ, этой иниціативой и активностью можемъ явиться мы, русскіе революціонеры, дѣйствуя черезъ такъ-называемыхъ «русскихъ» мусульманъ. Не разбрасываясь, мы должны всѣ свои организаціонныя силы, посвященныя революціи на Востокѣ, концентрировать, главнымъ образомъ, здѣсь, не переставая подготовлять почву для революціи вездѣ, куда только мы въ состояніи проникнуть своей пропагандой и агитаціей,—въ Турцію, Египетъ, наконецъ, въ Индію. Мы ни на минуту не должны забывать, что главная наша цѣль—взятіе твердыни имперіализма, служащей въ конечномъ счетѣ яблокомъ раздора имперіалистовъ всего міра, вплоть до монголо-японцевъ,—именно въ Индіи, и что путь къ этому не только для нѣмецкихъ имперіалистовъ, но и для насъ, друзей и соратниковъ Востока, лежитъ черезъ Персію и только черезъ Персію.

Персидское возстаніе можетъ стать ключомъ ко всеобщей восточной революціи, подобно тому, какъ Египетъ съ Суэзскимъ каналомъ является ключомъ къ англійскому владычеству на Востокѣ. Персія—это «Суэзскій каналъ» революціи. Перенесеніемъ политическаго центра тяжести революціи въ Персію обезцѣнивается вся стратегическая цѣнность Суэзскаго канала, ибо съ возстаніемъ на Востокѣ значеніе послѣдняго само собою падаетъ, аннулируется. Поэтому и не приходится здѣсь говорить ни о немъ, ни о Египтѣ съ точки зрѣнія геополитической, съ точки же зрѣнія національно-политической онъ мало чѣмъ отличается по существу отъ остального мусульманскаго міра. Персія же, благодаря своему особенному геополитическому положенію и значенію для освободительнаго движенія на Востокѣ, должна быть завоевана нами политически въ первую голову. Этотъ драгоцѣнный ключъ ко всѣмъ остальнымъ революціямъ на Востокѣ долженъ очутиться въ нашихъ рукахъ во что бы то

ниСтало. Персія должна быть наша! Персія должна принадлежать Революціи!

Въ заключеніе, какъ бы въ подтвержденіе правильности нашихъ словъ, мы приведемъ нижеслѣдующее воззваніе персидскаго народа, адресованное предполагавшемуся, но, какъ извѣстно, не состоявшемуся соціалистическому конгрессу въ Стокгольмѣ. Вотъ текстъ его, заимствованный нами изъ газеты «Правда» отъ 29-го декабря 1917 г., № 225.

Воззваніе персидскаго народа къ интернаціональному конгрессу соціалистовъ въ Стокгольмѣ 1917 года.

Давно уже имперіалисты европейскихъ державъ прибѣгли къ колонизаціи, аннексіи и оккупаціи мѣстностей, находящихся въ другихъ странахъ свѣта. Вполнѣ увѣренные въ политическомъ и экономическомъ порабощеніи туземцевъ, власти изобрѣли цѣлый рядъ жестокихъ, произвольныхъ законовъ, малѣйшее неповиновеніе которымъ считалось мятежемъ.

Среди этихъ жертвъ алчности европейскихъ имперіалистовъ Персія—одна изъ странъ, болѣе другихъ ощутившая гнетъ цѣпей, скованныхъ изъ интригъ и измѣны. Персидская нація—одна изъ древнѣйшихъ въ мірѣ, пережившая всѣ остальныя древнія культуры Востока. Она можетъ гордиться чистотою и незапятнанной репутаціей расы, оригинальностью цивилизаціи и своей собственной культурой. Она въ широкихъ размѣрахъ способствовала прогрессу человѣческаго ума и оставила позади себя славное прошлое.

Теперь этотъ народъ, въ высшей степени одаренный духовно, сталъ объектомъ жестокихъ притѣсненій со стороны народовъ, отдаленныхъ отъ него милліонами километровъ и еще болѣе отдаленныхъ глубокимъ различіемъ расъ, національностей, религіи и языка.

За послѣднія десять лѣтъ революція создала въ Персіи новую эру гражданскаго, политическаго и административнаго права. Это глубоко національное движеніе, осталось почти совсѣмъ неизвѣстнымъ европейскимъ народамъ и было вскорѣ задушено нашими великими сосѣдями—Россіей и Англіей при помощи систематическихъ интригъ, ультиматумовъ и карательныхъ экспедицій. Заключенной въ 1907 году конвенціей Россія и Англія раздѣлили Персію на двѣ «сферы вліянія», и съ этихъ поръ не упускали случая вмѣшаться въ дѣла Персіи и заставить ее почувствовать свое «вліяніе».

Желая избѣгнуть иностраннаго вмѣшательства, персидскій народъ вынужденъ былъ подчиниться въ 1908 году приказаніямъ Россіи и Англіи, ставшихъ на сторону шаха, слѣдствіемъ чего было ослабленіе народной партіи, бомбардировка Ляховымъ парламента и отмѣна конституціи, завоеваніе которой стоило столькихъ жертвъ.

Въ 1911 году русское правительство, поощряемое лондонскимъ ультиматумомъ, вынудило персидское правительство отпустить американскихъ совѣтниковъ, приглашенныхъ имъ для веденія финансовыхъ дѣлъ; персидское правительство обязывалось впредь не брать на службу иностранныхъ совѣтниковъ безъ предварительнаго согласія двухъ своихъ диктаторовъ.

Въ 1912 году Россія и Англія настаивали передъ персидскимъ правительствомъ, подъ угрозой карательной экспедиціи, на офиціальномъ признаніи англо-русской конвенціи, и лишили Персію права имѣть національную армію.

Въ 1916 году Россія и Англія послали персидскому правительству ноту съ цѣлью установленія абсолютнаго контроля надъ финансами и вооруженными силами страны. Эта нота требовала: 1) чтобы смѣшанная комиссія, снабженная неограниченными полномочіями и состоящая изъ русскихъ и англичанъ, съ нѣмецкими, бельгійскими и персидскими сочленами, взяла въ свои руки управленіе финансами страны, ея приходы и расходы; 2) чтобы было образовано два персидскихъ отряда, одинъ на сѣверѣ—русскими офицерами, другой на югѣ—англійскими.

Въ теченіе двухъ вѣковъ Персія подвергается подобнымъ актамъ насилія какъ со стороны Россіи, такъ и со стороны Англіи, и теперь эти двѣ державы готовы были задушить Персію, потушить въ ней послѣднюю искру жизни и свободы и положить конецъ существованію страны, жаждущей жить независимо и свободно.

Капиталисты съ береговъ Невы и Темзы стараются подавить всякое демократическое движеніе въ Средней Азіи; при преслѣдованіи этой цѣли они не брезгаютъ никакими средствами и ни малѣйшее соображеніе нравственности или чувство чести ихъ не останавливаетъ.

Жоресъ, этотъ безстрашный защитникъ права, этотъ другъ угнетенныхъ, голосъ котораго раздавался даже среди хребтовъ Эльбруса, произнесъ въ 1910 году слѣдующія слова во время преній по персидскому вопросу во французсокй палатѣ:

«Господа, вѣдь, внутренняя индивидуальная мораль требуетъ уваженія и почтенія общества къ слабымъ и старикамъ, почему же не должны соблюдаться эти принципы и въ интернаціональной морали? Персія—одна изъ старѣйшихъ странъ міра, поэтому, къ ней слѣдуетъ проникнуться заботливостью и уваженіемъ: ее надо поддержать, а не истязать. Персія, господа, произвела на свѣтъ Зороастру, за нѣсколько вѣковъ до Іисуса Христа поставившаго обработку земли, какъ и трудъ вообще, среди религіозныхъ обязанностей и добрыхъ дѣлъ

Персія произвела на свѣтъ великаго поэта и литератора Саади, который говорилъ въ XII вѣкѣ:

«Сыны Адама—члены одного и того же тѣла, и Творецъ сдѣлалъ ихъ изъ одного и того же вещества; когда судьба причиняетъ боль одному изъ этихъ членовъ, покой бѣжитъ отъ всѣхъ остальныхъ».

Въ настоящее время въ Персіи существуютъ большія политическія партіи, программы которыхъ во многихъ пунктахъ согласуются съ соціалистическими принципами. Распространенію этихъ принциповъ мѣшаютъ лишь иностранныя вліянія, затрудняющія прогрессъ нашей молодой, полной энтузіазма демократіи.

Для достиженія той цѣли, за которую мы, члены конституціонной партіи, боремся въ Персіи, для достиженія свободы въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, необходимо, чтобы цѣпи, парализующія наши усилія, были разбиты, и странѣ возвращена ея независимость.

Мы требуемъ, поэтому, чтобы англо-русская конвенція 1907 года была уничтожена во всемъ, что касается Персіи:

1) Мы требуемъ полной свободы Персіи въ политическомъ и экономическомъ отношеніи, въ организаціи своихъ финансовъ и военныхъ силъ для защиты страны; возвращенія персидскому правительству права приглашать иностранныхъ совѣтниковъ всѣхъ націй и заключать займы.

2) Возвращенія Персіи таможенной свободы и свободнаго плаванія въ смежныхъ съ нею моряхъ.

3) Возвращенія Персіи права пользованія ея минеральными богатствами, изъ которыхъ Россія и Англія угрозой и силой сдѣлали монополію для своихъ видныхъ концессіонеровъ.

4) Уничтоженія всѣхъ концессій, конвенцій и контрактовъ, вырванныхъ у персидскаго правительства посредствомъ ультиматумовъ и угрозъ, и, наконецъ, полной, абсолютной независимости персидской націи.

Великіе мыслители всего міра ищутъ средствъ, чтобы воспрепятствовать возобновленію ужасовъ и несчастій настоящей войны и установить всеобщій миръ, продолжительный и устойчивый. Но никогда не будутъ уничтожены войны, если останутся ихъ причины—имперіализмъ и колонизація. Персія же по своему географическому положенію пригодна болѣе чѣмъ какая-либо другая страна, для того, чтобы служить въ будущемъ очагомъ конфликтовъ между европейскими державами.

Если персидскій вопросъ не получитъ и теперь окончательнаго и благопріятнаго для персидскаго народа, разрѣшенія, то Персія въ скоромъ времени неизбѣжно должна стать, подобно Польшѣ въ прошломъ, ареной новыхъ кровавыхъ войнъ. Персія должна стать въ центральной Азіи тѣмъ, чѣмъ Швейцарія является въ центральной Европѣ: хозяйкой у себя дома, способной защищать свои права и свою независимость и противостоять иностраннымъ вожделѣніямъ.

Ваше собраніе, состоящее изъ лучшихъ представителей человѣчества, должно возвысить свой голосъ въ пользу нашей несчастной страны. Свобода

должна, наконецъ, быть возвращена. Персія, которая на зарѣ своей исторіи освободила евреевъ, плѣненныхъ въ Вавилонѣ, и, начиная съ VI вѣка, принимала преслѣдуемыхъ и изгнанныхъ византійскихъ философовъ.

Національный конгрессъ, созванный въ 1910 г. въ Копенгагенѣ, настоятельно призывалъ европейскія соціалистическія партіи употребить всѣ возможныя для нихъ усилія, чтобы положить конецъ реакціоннымъ дѣйствіямъ царизма. Но теперь царизмъ опрокинутъ навсегда, и настоящее народное правительство должно исправить несправедливости и ужасы, совершенные въ Персіи его предшественникомъ, и смыть кровавые слѣды, оставленные въ ней царизмомъ.

Творцы русской революціи должны внять голосу этого конгресса и вернуть Персіи свободу, отнятую ихъ предшественниками.

Несмотря на то, что всѣ наши несчастія проистекаютъ отъ Россіи, *мы готовы теперь стать друзьями русскаго народа* (курс. мой, К. Т.) и быть для него хорошими, вѣрными сосѣдями; мы готовы забыть прошлое, полное тяжелыхъ воспоминаній, и протянуть руку новому правительству, если оно разобьетъ цѣпи, сковывающія наши члены, и отнесется къ намъ такъ, какъ надо относиться къ независимой, свободной націи.

Избранники человѣчества, пусть ваше собраніе произнесетъ свой приговоръ о судьбѣ нашей страны! Пусть вашъ братскій голосъ дойдетъ до демократіи всѣхъ странъ,—до помолодѣвшей Россіи и до старой Англіи.

Пусть ободряющій голосъ симпатіи и утѣшенія донесется отъ васъ до пролетаріата Персіи, чтобы бѣдный крестьянинъ этой страны, обрабатывая свое поле съ заступомъ въ рукахъ, могъ порадоваться, зная, что его права и свобода защищаются въ Стокгольмѣ лучшими элементами той самой Европы, которая до сихъ поръ приносила ему лишь ужасы и несчастія, лишь пушки и висѣлицы.

Отъ имени персидскаго народа мы апеллируемъ теперь къ Соціалистическому Интернаціональному Конгрессу, умоляя его принять резолюцію по поводу нашихъ недоразумѣній, и принять по отношенію къ Персіи—этой древней странѣ Востока—рѣшеніе, которое стало бы приговоромъ грядущей міровой силы».

С. Національно-политическое движеніе въ Китаѣ.

Мы подошли теперь къ третьему и послѣднему главному фактору освобожденія Азіи,—къ *Великому Китаю*.

Значеніе Китая для борьбы съ имперіализмомъ не менѣе велико, чѣмъ значеніе Индіи или Персіи, но оно лежитъ не въ той плоскости, въ какой находится значеніе послѣднихъ. Въ то время, какъ освобожденіе Индіи или Персіи находится въ зависимости отъ западно-европейскаго имперіализма, главнымъ образомъ, англійскаго, судьба

проснувшагося Китая зависитъ отъ двухъ другихъ соперничающихъ между собою силъ на Тихомъ Океанѣ,—отъ японскаго имперіализма—съ одной стороны и американскаго, отчасти и европейскаго,—съ другой. Къ счастью для молодого Китая, а также и для всей борющейся съ имперіализмомъ части человѣчества, силы эти—соперничающія, противорѣчащія и исключающія другъ друга. При этомъ основномъ и благопріятномъ для Китая условіи дѣло освобожденія послѣдняго и отъ того, и отъ другого имперіализма можетъ только выиграть. При умѣломъ и рѣшительномъ использованіи внѣшней политической конъюнктуры, создавшейся на почвѣ японо-американскаго антагонизма и при попыткѣ палліативнаго рѣшенія Китайская Республика можетъ легко очутиться въ выгодномъ положеніи «третьяго радующагося». Послѣднее и притомъ рѣшительное слово принадлежитъ только ему, китайскому народу. Все зависитъ отъ того, насколько велико и сильно будетъ единство и сплоченность его обще-народныхъ силъ во-внутрь и во-внѣ.

«Это государство (китайское), пишетъ проф. Кьелленъ, нынѣ находится въ процессѣ броженія, исходъ котораго опредѣлитъ его собственное будущее, будущее всего міра и въ особенности—Японіи. Если Китай выдержитъ этотъ экзаменъ на единство и сплоченность, хотя бы даже ему пришлось отказаться отъ своихъ побочныхъ территорій (Nebenländer), способствующихъ скорѣе его величинѣ, нежели его величію, то тогда Америкѣ, Европѣ и Японіи дѣйствительно будетъ угрожать «желтая» (я бы сказалъ: «революціонная», К. Т.) опасность и тогда Японію придется считать постоянной союзницей бѣлой расы, для которой (Японіи) Америка играла бы роль буфера, какую Россія играетъ по отношенію къ Европѣ. И, наоборотъ, если Китай распадется, то Японія скорѣе явится противницей, нежели союзницей, бѣлой расы, и тогда Америка станетъ театромъ военныхъ дѣйствій, на которомъ разыграется рѣшительная битва».

Таковы, съ точки зрѣнія шведскаго ученаго двѣ возможности будущаго развитія Китая: либо національная сплоченность—и тогда ему придется бороться противъ тріединаго фронта желто-бѣлаго имперіализма, либо «сліяніе» съ Японіей и тогда—вассальная или еще худшая зависимость Китая отъ Японіи и служеніе орудіемъ въ рукахъ послѣдней противъ имперіализма бѣлой расы. И такимъ образомъ вопросъ, по какому пути пойдетъ современный Китай, пріобрѣтаетъ величайшее значеніе не только для самаго Китая, но и для всего міра. По какому принципу оріентируется его настоящая политика? Идетъ ли она подъ знакомъ расоваго «сліянія» съ Японіей, или подъ флагомъ національной и государственной самостоятельности?

На этотъ основной вопросъ мы должны здѣсь дать, елико возможно, ясный и опредѣленный отвѣтъ. Но для этого мы должны

обратиться къ тому великому перевороту, который вывелъ Китай изъ состоянія многовѣковой спячки и далъ развитію его общественности совершенно новое направленіе.

Если относительно Индіи и Ислама приходилось еще доказывать ихъ право на національное существованіе, то распространяться на тему о томъ, что китайскій народъ обладаетъ всѣми предпосылками, необходимыми для такого національнаго бытія, совершенно не приходится.

Китайскій народъ обладаетъ обширной и внутренне спаянной территоріей, имѣетъ одинъ общій литературный языкъ, исповѣдуетъ одну единую религію и, что особенно важно, живетъ одной общей государственной жизнью, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать объ Индіи. Я не стану начинать издалека и вдаваться въ подробности относительно перехода Китая изъ стадіи примитивной въ стадію современной демократіи. Я остановлюсь лишь на двухъ моментахъ современной жизни Китая: на сильномъ подъемѣ чувства — человѣческаго достоинства съ одной стороны и національнаго самосознанія — съ другой. Эти «идеи-силы», какъ сказалъ бы французскій философъ Фулье, и опредѣляютъ все духовное и политическое развитіе «молодого Китая», это — гражданская свобода во-внутрь и національная во-внѣ. Я позволю себѣ воспользоваться для своей цѣли трудомъ одного французскаго писателя, имѣвшего возможность лично наблюдать и изучать современный Китай; его оцѣнку Китая съ точки зрѣнія француза и имперіалиста мы, конечно, отбросимъ, но фактами мы широко воспользуемся. Для этого я позволю себѣ частью цитировать наиболѣе существенныя мѣста изъ его книги, озаглавленной «Современный Китай», частью буду передавать содержаніе ея своими словами. Надо сказать, что авторъ книги, Жанъ Родъ, не особенно дружелюбенъ къ китайцамъ и зачастую не весьма лестно о нихъ отзывается; онъ поэтому, естественно, и не склоненъ къ увлеченіямъ и скороспѣлымъ выводамъ. И тѣмъ не менѣе мы пользуемся его показаніями, которыя тѣмъ цѣннѣе для насъ, чѣмъ скептичнѣе и сдержаннѣе они дѣлаются авторомъ, общеимперіалистическая точка зрѣнія котораго достаточно знакома въ извѣстныхъ кругахъ.

Какъ извѣстно, вся общественная жизнь многомилліонной китайской массы построена на весьма древнемъ семейномъ институтѣ, на традиціонномъ и при томъ весьма жостокомъ и деспотическомъ законѣ «pater familias», въ силу котораго... «всѣ помыслы и дѣйствія, заработокъ и самая жизнь сына, каковъ бы ни былъ его возрастъ, въ буквальномъ смыслѣ принадлежатъ его отцу». Въ настоящее время здѣсь произошла сильная перемѣна, семейный переворотъ въ пользу большаго индивидуализма. И авторъ продолжаетъ свое описаніе дальше: «Но во многихъ семьяхъ мандариновъ, нотаблей и даже коммерсантовъ въ городахъ, открытыхъ для иностранной торговли и давно посѣщаемыхъ европейцами, строгость ки-

тайскихъ обычаевъ значительно смягчилась, и дѣти, по крайней мѣрѣ, сыновья, пользуются уже нѣкоторою самостоятельностью. Все это идетъ въ-разрѣзъ со старымъ семейнымъ коллективомъ, глава котораго былъ самодержавнымъ, единственнымъ главою-собственникомъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что окончательное сверженіе этого ига свершится не безъ серьезнаго потрясенія семейнаго института, съ отдаленныхъ временъ являющагося кореннымъ устоемъ неподвижности и неизмѣнности китайскаго общества». Здѣсь для насъ, какъ и для нашего автора, «открывается будущее, чреватое богатѣйшими послѣдствіями», съ «оповѣщеніемъ которыхъ, по мнѣнію автора, не слѣдуетъ торопиться» (тамъ же). И тѣмъ не менѣе тотъ же авторъ вынужденъ, считаясь съ фактами, придти къ выводу, что «крупнѣйшимъ результатомъ новаго умственнаго теченія, которое, безъ сомнѣнія, будетъ развиваться и вширь, и вглубь, явится освобожденіе личности» (курсивъ мой, К. Т.). «Когда китаецъ добьется этого, онъ произведетъ самую страшную революцію, потому что тогда древне-китайское общество, этотъ изумительный анахронизмъ нашего времени, прекратитъ свое существованіе. И никто не можетъ предсказать, какія перемѣны произойдутъ, когда эта вторая половина человѣчества вступитъ въ круговоротъ движенія современныхъ народовъ».

Но въ Китаѣ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, стало наблюдаться и другое въ высшей степени знаменательное явленіе, которое въ своемъ развитіи потерпѣло общее и глубокое измѣненіе: это—чувство патріотизма (курс. мой, К. Т.)... «Китайско-японская война, расхищеніе его территоріи, молчаливымъ свидѣтелемъ котораго онъ является съ 1898 г., злосчастная авантюра 1900 г. убѣдили Китай въ его существованіи. Начиная съ этой эпохи, его собственное безсиліе пробудило въ немъ отравленное обидой сознаніе собственнаго бытія. Недавняя побѣда японцевъ надъ русскими, которая, какъ оглушительный ударъ гонга, всколыхнула всю Азію, смѣнила чувство обиды надеждой и пробудила патріотизмъ въ сердцахъ всѣхъ «Молодыхъ Китайцевъ».

«Этотъ новый патріотизмъ, особенно ярко обнаружившійся во время послѣдняго инцидента съ Японіей по поводу захвата властями Гуанъ-дуна, судна «Татсу-Марху», гораздо ближе къ нашему патріотизму, чѣмъ это можно было думать, судя по узко-матеріалистическому складу китайской души. Это уже не только разсудочный и практическій патріотизмъ, но патріотизмъ въ одинаковой мѣрѣ идеалистическій» (курс. мой, К. Т.). Это—патріотизмъ съ лозунгомъ: «Китай—для китайцевъ», который «отнынѣ служитъ моральной связью Серединной Республики и создаетъ изъ нея совершенно самостоятельный организмъ, обособленный какъ отъ Японіи, такъ и отъ остальныхъ націй бѣлой расы».

«Этотъ интенсивный націонализмъ, осложненный старой обособленностью китайцевъ, до сихъ поръ проявлялся въ рѣзкой оппозиціи противъ всѣхъ предпріятій иностранцевъ... Во всѣхъ провинціяхъ Республики наблюдаются вспышки подобнаго рода движенія (въ родѣ чеузянскаго возстанія противъ англичанъ), и нѣтъ ни одной державы, которая не вызвала бы противъ себя подозрѣнія со стороны китайцевъ и не страдала бы отъ этого недовѣрчиваго націонализма».

И сама Японія, несмотря на свое родство съ этимъ народомъ желтой расы, пишетъ далѣе Жанъ Родъ, не могла избѣгнуть послѣдствій этого недовѣрія. Китайцы неоднократно обращались ко двору («бывшему») съ петиціями объ изгнаніи японцевъ изъ городовъ, отдаленныхъ отъ занимаемой ими желѣзной дороги, и т. д.

Насколько глубока ненависть китайцевъ къ иностранцамъ можно судить по слѣдующему его любопытному разсказу: «Я имѣлъ случай, разсказываетъ онъ, услышать отзвукъ особаго настроенія изъ устъ бывшаго атташе при китайскомъ посольствѣ въ Парижѣ, знаменитаго генерала Ченгъ-Ки-Тона... Я думалъ, что говорю съ однимъ изъ доброжелателей европейцевъ. Каково же было мое удивленіе, когда Ченъ-Ки-Тонъ, бульвардье Ченъ-Ки-Тонъ, крайне рѣзкимъ тономъ сказалъ мнѣ:

«Фактъ тотъ, что китайцы васъ глубоко ненавидятъ. Эта ненависть столь же сильна въ Шанхаѣ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ; и, несмотря, на коммерческія выгоды, несмотря на богатства, извлекаемыя изъ вашего пребыванія въ странѣ, будьте увѣрены, что васъ терпятъ здѣсь только потому, что иначе поступать не могутъ. Если бы васъ можно было выгнать, то никто не поколебался бы такъ и сдѣлать, хотя отъ этого пострадали бы интересы очень многихъ.

«Это отвращеніе здѣсь, можетъ-быть, еще сильнѣе, чѣмъ въ центрѣ, потому что здѣсь именно мы живемъ рядомъ съ европейцами, которые постоянно задѣваютъ насъ. У насъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, оскорбленіе самолюбія ощущается особенно остро и никогда не прощается. Мы не можемъ допустить, чтобы европеецъ обращался съ китайцемъ, къ какому бы общественному слою послѣдній ни принадлежалъ, какъ съ низшимъ существомъ, а его претензіи цивилизовать насъ въ то время, какъ онъ самъ большей частью принадлежитъ еще къ низшей культурѣ и далеко не служитъ украшеніемъ человѣчества, намъ кажутся смѣшными.

«Я жилъ въ Парижѣ, и тамъ лучшіе соотечественники обращались со мною, какъ съ равнымъ. Здѣсь же только потому, что я китаецъ, мнѣ запрещены доступъ въ клубъ, выходъ въ общественный садъ, и если бы я осмѣлился нарушить это запрещеніе, я подвергся бы риску быть выведеннымъ съ позоромъ. Въ этомъ — такая жгучая обида, что она вооружаетъ противъ васъ китайцевъ болѣе, чѣмъ что-либо другое. То же самое можно было бы ска-

зать и объ отношеніяхъ политическаго характера, которыхъ я не хочу касаться».

И авторъ прибавляетъ: «Несомнѣнно, эти слова, полныя обиды и раздраженія, лишь съ полною откровенностью показываютъ чувства, скрываемыя большинствомъ китайцевъ, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло. И надо признаться, продолжаетъ онъ дальше, большая часть иностранцевъ, съ которыми соприкасаются китайцы, своимъ поведеніемъ вполнѣ оправдываетъ это раздраженіе».

Это—всякаго рода карьеристы, авантюристы и, какъ Жанъ Родъ ихъ называетъ, «кондотьеры промышленности», «современные конквистаторы» и «необузданные дегенераты», которыхъ на Востокѣ не мало. «Это существованіе такъ-называемыхъ цивилизованныхъ «колонизаторовъ» и «культивитаторовъ» (примѣч. мое. К. Т.) разнузданности и безумнаго риска, несомнѣнно, имѣетъ въ себѣ нѣчто привлекательное, и моралистъ, можетъ-быть, отнесется къ ней снисходительно въ виду тѣхъ цѣнныхъ качествъ характера, которыя она вызываетъ къ жизни. Но китайцы, сами падкіе на удовольствія и развратъ, будучи свидѣтелями этого безшабашнаго существованія, находятъ въ немъ новую пищу своему презрѣнію къ разгулу нашей грубой чувственности и варварства *огодтѣлыхъ людей* (курс. мой. К. Т.),—къ тому, что они называютъ «меполи».

Авторъ, повидимому, полагаетъ, что эти типы, эти «огодтѣлые люди» не составляютъ неотъемлемыхъ и незамѣнимыхъ качествъ агентовъ и естественныхъ представителей «колоніальной политики» имперіализма. И поэтому онъ, въ заключеніе главы объ «эволюціи умственныхъ теченій въ Китаѣ», заявляетъ: «если китайцы когда-нибудь и дойдутъ до искренняго сближенія съ нами, то во всякомъ случаѣ не путемъ тѣхъ отношеній, которыя существуютъ въ настоящее время между нами, съ одной стороны, и Европой и Америкой—съ другой.

Подъ «другими отношеніями» авторъ, какъ видно изъ его заключительнаго слова къ своей книгѣ, подразумѣваетъ болѣе осторожное и нѣсколько болѣе тактичное и культурное отношеніе къ китайцамъ. Но по нашему глубокому убѣжденію, китайцы дойдутъ до искренняго сближенія съ нами, европейцами, только тогда, когда они станутъ полными хозяевами въ собственной странѣ и когда отъ иностранцевъ, «культурно» или не культурно ихъ эксплуатирующихъ, и духу не останется въ ихъ освобожденной странѣ.

Такова *психологическая* картина глубокаго внутренняго процесса, совершающагося почти на нашихъ глазахъ, какъ во-внутренне, такъ и во-внѣшне-политической жизни страны за послѣднее двадцатилѣтіе. Внутри тотъ процессъ сказался въ видѣ борьбы съ абсолютизмомъ, закончившейся революціей, во-внѣ—въ видѣ огромнаго роста національнаго самосознанія и стремленія къ освобожденію отъ иностранной опеки и чужого вмѣшательства въ

ихъ дѣла,—два явленія, до 1895 года не наблюдавшіяся въ такой мѣрѣ, въ неподвижномъ дотолѣ Китаѣ. Мы видѣли раньше и то, чѣмъ они были вызваны: политикой «открытыхъ дверей» (читай: «открытаго грабежа») со стороны англо-американскихъ имперіалистовъ, которые, по мнѣнію Каутскаго, стремятся не къ завоеваніямъ, а къ «вскрытію» Китая, т.-е. къ мирной эксплуатаціи—съ одной стороны и завоевательной политикѣ «Россіи», Франціи и Японіи—съ другой. «Войны противъ и изъ-за Китая имѣли своимъ послѣдствіемъ лишь то, что онѣ ускорили только его модернизированіе. Онѣ дали только поводъ «Серединной Имперіи» не только создать у себя современную армію, но и ввести новѣйшіе способы сообщенія, построить желѣзныя дороги. Быстро растетъ распространенная пресса. И этими способами сообщенія и сношенія, Китай гораздо болѣе способствовалъ своей безопасности, чѣмъ своей арміей. Эта послѣдняя можетъ быть разбита; но чего нельзя побѣдить, такъ это национальный духъ (курс. мой, К. Т.), который выросъ въ Китаѣ изъ современнаго способа сообщенія, замѣнившаго собою примитивное мышленіе современно-демократическимъ. Подобная демократія не можетъ долго мириться ни съ какимъ чужестраннымъ господствомъ, и она оказываетъ ему непреодолимое сопротивленіе.

Если это правильно по отношенію къ чужеземному господству европейскаго народа надъ малымъ сосѣднимъ народомъ, то тѣмъ паче это справедливо по отношенію къ господству надъ такой огромной и такъ далеко отдаленной отъ Европы народностью *).

«Условія перехода отъ примитивной демократіи къ современной, основанной на національномъ государствѣ или стремящейся къ таковому, гораздо болѣе благопріятны въ Китаѣ, чѣмъ въ Индіи. Уже одной той экономической могучей силы, съ помощью которой такая огромная масса можетъ давить на всемірный рынокъ, достаточно для того, чтобы проникнуться решпектомъ передъ Китаемъ»...

Едва ли можно преувеличить значеніе Китая для дальнѣйшаго расширенія капитализма.

Какова сущность революціоннаго движенія въ Китаѣ, его лозунги, къ которымъ тотъ внутренній процессъ, о которомъ я говорилъ выше, на практикѣ привелъ молодой Китай? Воспользуюсь отрывками изъ большой рѣчи, произнесенной вождемъ китайской революціи въ Токіо въ 1907 г. передъ многотысячной толпой, собравшейся въ университетъ Васеды. Я цитирую ее такъ, какъ она приводится Жаномъ Родъ въ его книгѣ.

«Опредѣлить условія этой (китайской) революціи,—говорилъ Сюнъ-Ятъ-Сенъ, извѣстный подъ именемъ Сенъ-Венъ,—дѣло довольно сложное. Съ одной стороны, съ точки зрѣнія расовыхъ интересовъ, пе-

---

(* Karl Kautsky Nationalstatslehre P. 50

обходимо изгнать манчжуръ; это—революція расовая. Съ другой стороны, необходимо ниспровергнуть абсолютную монархію: это—революція политическая. Нельзя отдѣльно рѣшать эти два вопроса; они должны быть рѣшены одновременно.

«Результатомъ политической революціи должно быть установленіе республиканско-конституціоннаго строя. При настоящихъ условіяхъ революцію необходимо, было бы совершить даже въ томъ случаѣ, если бы императоръ былъ китаецъ. Со времени французской революціи — и то же самое мы видимъ въ нынѣшней русской революціи—расовый вопросъ утратилъ свое значеніе, и движеніе направлялось, исключительно къ перемѣнѣ режима. Во Франціи республика нынѣ упрочена, русскіе революціонеры также несомнѣнно достигнутъ своей цѣли. Въ Китаѣ, послѣ революціи, республиканскій режимъ будетъ удовлетвореніемъ жизненной потребности народа; никто въ этомъ здѣсь не сомнѣвается».

Затѣмъ ораторъ въ своей рѣчи указываетъ на предстоящую необходимость рѣшенія соціальнаго вопроса послѣ того, какъ будетъ совершена политическая революція: «Теперь скажемъ о соціализмѣ. Это вопросъ очень сложный. Въ настоящее время соціализмъ—наука; если относиться къ ней поверхностно, то ея нельзя будетъ понять. Соціальный вопросъ это—зло, отъ котораго Китай пока еще не страдаетъ, но отъ котораго онъ будетъ страдать позднѣе. Въ настоящій моментъ соціальный вопросъ не имѣетъ еще той жгучей остроты, какъ два первыхъ вопроса. Немногія лица въ Китаѣ интересуются этимъ вопросомъ; но мы должны прозрѣвать дальше настоящаго момента. Нужно бороться съ бѣдствіями, прежде чѣмъ они насъ настигнутъ, и только такимъ путемъ, въ состояніи будемъ мы оградить себя отъ нихъ. Если мы будемъ ждать, когда бѣдствіе уже обрушится на насъ, то устранить его послѣдствія будетъ очень трудно.

«Соціальный вопросъ Европы и Америки встрѣчаетъ чрезвычайныя затрудненія на пути къ своему разрѣшенію, хотя въ Китаѣ онъ еще и не поставленъ на очередь, но въ будущемъ онъ долженъ пріобрѣсти крупное значеніе. Тогда его уже невозможно будетъ разрѣшить безъ экономической революціи. Но революцію дѣлаютъ, когда къ этому бываютъ вынуждены. Экономическая же революція послѣ революціи антидинастической, послѣ измѣненія политическаго режима, была бы народнымъ бѣдствіемъ.

«Необходимо во время уже нашей политической революціи, найти средство для такого улучшенія соціальнаго положенія, чтобы предупредить неизбѣжность экономической революціи въ будущемъ. Это—одна изъ нашихъ самыхъ настоятельныхъ задачъ.

«Наша цѣль заключается не только въ установленіи демократіи, но и въ измѣненіи условій соціальной жизни. Для Европы и Америки достигнуть этого очень трудно; для Китая—несравненно легче. Если Европа и Америка не могутъ разрѣшить соціальнаго вопроса,

то это потому, что онѣ не разрѣшили аграрнаго вопроса (курс. мой, К. Т.) и не подчинили цѣнность земли неподвижной регламентаціи».

И тутъ вождь республиканской партіи излагаетъ свою точку зрѣнія на то, какъ, по его мнѣнію, должа быть разрѣшена аграрная проблема въ Китаѣ, которая сводится къ требованію установленія и зафиксированія опредѣленной земельной ренты съ тѣмъ, чтобы излишекъ цѣнности доставался потомъ государству: въ этомъ онъ видитъ возможность устраненія зла, происходящаго отъ монополизаціи земли,—во введеніи дифференціальной ренты.

«Въ странахъ, гдѣ цѣнность земли не поднялась еще выше извѣстнаго уровня, необходимо дѣйствовать, не теряя момента... Въ Китаѣ цивилизація еще не далеко ушла, и цѣнность земли не очень велика»...

«Словомъ, цѣль нашей революціи—въ обезпеченіи всеобщаго счастяь. Мы хотимъ революціи освобожденія, ибо мы отказываемся мириться съ положеніемъ, при которомъ кучка манчжуръ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всѣ богатства. Мы хотимъ революціи политической, потому что не признаемъ за однимъ только человѣкомъ права пользоваться всѣми преимуществами. Мы хотимъ революціи соціальной, потому что не хотимъ, чтобы кучка капиталистовъ монополизировала все достояніе страны. Если мы не добьемся, хотя бы одной изъ этихъ трехъ цѣлей, то намъ не удастся осуществитъ нашего идеала во всей его совокупности. Но когда онѣ будутъ достигнуты, Китай станетъ превосходнымъ государствомъ».

На вопросъ автора, обращенный къ Сенъ-Вену при разговорѣ съ послѣднимъ: «Намѣрены ли вы, какъ говорятъ, учредить республику соціалистическую?»—Сенъ-Венъ отвѣтилъ: «Безусловно, но нашъ проектъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому представленію, которое вы составили себѣ о немъ въ Европѣ. Онъ глубоко будетъ отличаться отъ вашихъ представленій, въ виду характерныхъ особенностей умственнаго и нравственнаго состоянія китайскаго народа».

Силой, на которую революціонеры—«кеминтаны» могутъ разсчитывать, являются, какъ, впрочемъ, и самъ Сенъ-Венъ формально заявилъ нашему автору,—тайныя общества. Поэтому остановимся еще нѣсколько и на нихъ. Цитируемъ того же автора:

Два большихъ общества на югѣ и въ центрѣ Китая—Тройца (san-tië-hoie), распространенныя, главнымъ образомъ, въ Гуанъдунѣ, Гуанъ-си, Фукіенѣ и Чезянѣ, и старые братья въ Хунанѣ и въ провинціяхъ Янцзы объединились другъ съ другомъ въ 1906 г. въ общество Chuangohoei и признали надъ собою единое руководство Сюнъ-Ятъ-Сена (Сенъ-Вена), который, впрочемъ, и раньше былъ вождемъ «Тройцы».

«Для объединенія всѣхъ противоправительственныхъ силъ въ одинъ союзъ, общество было раздѣлено на нѣсколько отдѣленій, со-

отвѣтственно происхожденію и положенію его членовъ. Такимъ образомъ, составились: красная партія, въ которую входили разбойники; голубая партія, имѣвшая въ своихъ рядахъ нотаблей и сановниковъ, и черная партія, члены которой въ большинствѣ состояли изъ купцовъ и рядовыхъ обывателей. Но есть безчисленное множество и другихъ обществъ, ибо Китай по преимуществу является страной тайныхъ обществъ, гдѣ постоянно размножаются союзы, землячества, общества взаимопомощи и проч. Роль ихъ въ революціонномъ движеніи велика. Основнымъ ихъ мотивомъ была борьба противъ власти и тиранническихъ правительствъ. Съ политической точки зрѣнія эти общества вообще проникнуты тенденціями, враждебными манчжурамъ». Далѣе авторъ заявляетъ, что въ противоположность заявленіямъ Сюнъ-Ятъ-Сена, который симпатизируетъ Европѣ и добивается ея поддержки, тайныя общества, въ сущности, настроены враждебно къ иностранцамъ. Можно даже прямо сказать, что, объединенные чувствомъ вражды къ иностранцамъ, они составляютъ одну общую организацію, широко способствующую распространенію въ странѣ новаго патріотизма, проповѣдуемаго «молодымъ Китаемъ» и представляющаго собою, странную смѣсь модернизма и ксенофобіи. Если подъ «иностранцами» слѣдуетъ понимать имперіалистовъ, тѣхъ «оголтѣлыхъ» людей, всякихъ дегенератовъ и «кондотьеровъ промышленности», о которыхъ съ такой неприязнью говоритъ самъ авторъ, то ничего удивительнаго и «страннаго» нѣтъ во враждѣ китайскихъ кеминтановъ къ *такимъ* «иностранцамъ». Въ этой враждѣ
экономическаго и политическаго порабощенія Китая. Соціалистическая
необходимо видѣть протестъ китайскихъ революціонеровъ противъ буржуазной туземной или «колоніальной» политики, преслѣдующей цѣли
же «колоніальная» политика, направленная на освобожденіе Китая отъ гнета капитала и мірового имперіализма, не встрѣтитъ, разумѣется, враждебнаго отношенія къ себѣ со стороны младо-китайцевъ. Интернаціоналъ труда на Западѣ не только не противорѣчитъ національному движенію народовъ на Востокѣ, но они прямо-таки другъ друга обусловливаютъ, дополняютъ, несмотря на разность источниковъ ихъ происхожденія, такъ какъ одинъ проистекаетъ изъ трудового, а другой изъ національнаго начала.

Сенъ-Венъ и вмѣстѣ съ нимъ весь революціонный Китай добиваются «поддержки» Европы. Но какое европейское государство, какъ *цѣлое*, можетъ оказать хоть какую-либо поддержку странѣ, вся сущность политики которой, собственно говоря, направлена *противъ* этихъ государствъ.

Оглядываясь вокругъ, мы такого государства нигдѣ не находимъ, кромѣ какъ въ революціонной Россіи, вступившей послѣ октября въ стадію перехода къ соціализму. Только она можетъ мириться съ существованіемъ во всѣхъ отношеніяхъ свободнаго Китая; даже больше того: она прямо заинтересована въ существованіи и

процвѣтаніи такого Китая, такъ какъ она сама борется съ имперіализмомъ всего окружающаго и угрожающаго задушить его капиталистическаго міра. Не желая повторяться, я скажу лишь то, что роль революціонной Россіи по отношенію къ революціонному Китаю сводится къ тому же, къ чему мы сводили ее выше по отношенію къ остальному Востоку, къ Индіи, Персіи и всему Исламу,—роль не только примѣра и застрѣльщицы, но и самаго дѣятельнаго непосредственнаго агента, помощницы.

Путемъ нашего анализа, далеко не полнаго въ виду отдаленности страны и недостаточной освѣдомленности нашей, о происходящемъ въ ней движеніи, мы все же могли установить, хотя бы только въ самыхъ общихъ чертахъ, основной характеръ происходящаго тамъ общественнаго движенія.

Если въ остальномъ Востокѣ оно носитъ преимущественно національный характеръ, то здѣсь, въ Китаѣ, оно далеко уже ушло впередъ за предѣлы исключительнаго націонализма. По лѣстницѣ освободительнаго движенія на далекомъ Востокѣ Китай занимаетъ наиболѣе высокую ступень, нежели Японія по лѣстницѣ восточнаго имперіализма. Въ то время, какъ Индіи приходится еще бороться за времена, когда вся Европа погружена была еще во мракѣ основное условіе своего національнаго существованія—за государственную независимость,—Китай, страна самаго древняго государства міра, знавшій государственный порядокъ и гражданственность уже въ тѣ невѣжества и тьму варварства, за 2600 лѣтъ до Р. Хр., вступилъ на путь гражданской и политической свободы и стремится нынѣ уже къ свободѣ экономической или соціальной. Существуютъ ли тамъ предпосылки соціализма, мы подробнѣе остановимся въ другомъ мѣстѣ, но уже сказаннаго достаточно для того, чтобы признать тотъ основной фактъ, который единственно для насъ здѣсь важенъ,—что Китай уже вступилъ въ стадію борьбы за соціальную трансформацію общества и является поэтому наиболѣе передовой въ смыслѣ соціализма страной Востока.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Весь нашъ предыдущій эмпирическій анализъ положенія на Востокѣ и могущихъ изъ него развиться взаимоотношеній въ Азіи служитъ нагляднымъ показателемъ и иллюстраціей нИтернаціонала, мыслимаго въ развитіи как процессъ, а не какъ застывшая, хотя бы даже высшая, форма. Съ этой точки зрѣнія лѣстница Универсальнаго Интернаціонала представляется мнѣ цѣпью, одинъ конецъ которой находится въ Азіи, а другой—въ Европѣ и Америкѣ, а центральнымъ соединяющимъ звеномъ этихъ двухъ крайнихъ звеньевъ является Россія. Между звеньями этой цѣпи, или, если это сравненіе болѣе нравится, ступенями интернаціоналистической лѣстницы существуетъ послѣдовательная преемственность и наростаніе, осложненіе и укрѣпленіе процесса. Этимъ «лейтмотивомъ» является борьба порабощенныхъ и эксплуатируемыхъ общественныхъ организмовъ, сложившихся или слагающихся по признакамъ географическимъ, этническимъ, культурнымъ и государственнымъ, порознь или вмѣстѣ,— борьба за свободу своего національнаго существованія и развитія, и если при этомъ эта борьба ведется еще и во имя равноправія, за равенство условій существованія и развитія націй, то она тогда пріобрѣтаетъ и интернаціональный характеръ,—тогда національное не можетъ превратиться ни въ националистическое, ни въ сверхъ-національное. Свободное, равное и братское существованіе націй, на какой бы ступени лѣстницы онѣ ни стояли, взаимное уваженіе правъ и имущества націй, справедливость въ отношеніяхъ другъ къ другу,—вотъ сущность Интернаціонала вообще. Группируются ли тѣ или другіе народы въ интернаціональное цѣлое, благодаря еще какому-нибудь фактору, еще болѣе общему, чѣмъ національный, какъ, напр., по классово-трудовому, существо дѣла отъ этого нисколько не мѣняется; возникаетъ только новое условіе, благопріятствующее процессу международнаго соединенія. Поэтому

можно съ такимъ же правомъ говорить объ Интернаціоналѣ Востока, основанномъ на чисто-національномъ принципѣ, какъ и объ Интернаціоналѣ Запада, возникшемъ на почвѣ общности труда. Въ универсальномъ, міровомъ, Интернаціоналѣ находятъ себѣ соотвѣтственное мѣсто и тотъ, и другой типъ Интернаціонала, размѣщенный на разныхъ ступеняхъ международной лѣстницы. Универсальность же заключается лишь въ голомъ фактѣ, въ тенденціи или идеѣ интернаціональнаго собиранія или интеграціи, въ центростремительномъ движеніи двухъ, трехъ и т. д. національныхъ единицъ къ союзничеству и сотрудничеству, гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ это ни происходило бы. Можно только говорить о болѣе сложныхъ и менѣе сложныхъ, болѣе примитивныхъ или менѣе примитивныхъ соединеніяхъ; законъ же всѣхъ ихъ одинъ: соединеніе различныхъ національныхъ организмовъ между собою. Соединеніе, какъ таковое, уже составляетъ, создаетъ фактъ Интернаціонала вообще. Единство цѣли, а не единство путей и способовъ осуществленія интернаціональныхъ соединеній—вотъ что опредѣляетъ Интернаціоналъ. Цѣль же заключалась во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ, поскольку она вообще проявлялась, въ уничтоженіи насилія и подчиненія одной болѣе сильной націи другою, болѣе слабою, съ цѣлью политической и экономической ея эксплуатаціи въ борьбѣ съ имперіализмомъ. Таковое насиліе, таковую борьбу мы видѣли и на Востокѣ; поэтому-то мы въ правѣ были говорить и объ «Интернаціоналѣ Востока». Весь вопросъ, въ сущности, сводится лишь къ тому, существуетъ ли Азія, какъ цѣлое, или не существуетъ? Мы видѣли, что таковая Азія, къ счастью, существуетъ, что, по крайней мѣрѣ, существуютъ для этого всѣ объективныя предпосылки и имѣются налицо общія причины—націоналистическій имперіализмъ бѣлой и желтой расъ съ одной стороны и отпоръ, оказываемой ему угнетенными народами—съ другой. Интернаціоналисты Запада должны использовать національно-освободительное движеніе на Востокѣ съ цѣлью придать ему координированный характеръ и направить его противъ общаго врага Свободы и Человѣчества,—противъ мірового капитализма. Двустороннему Интернаціоналу необходимо дать генеральное сраженіе двуединому капитализму, существующему двойной эксплуатаціей: національной и классовой, на обоихъ его фронтахъ: на внутреннемъ (классовомъ) и на внѣшнемъ (національномъ). Этому единству въ двухъ лицахъ необходимо противо-

поставить такое же единство. Расчлененіе его, разрывъ фронта можетъ только губительно влiять на каждый изъ нихъ. Противорѣчiя или натяжки ни формально-логической и ни имманентно-матерiальной между обоими видами Интернацiонала нѣтъ, какъ нѣтъ его и въ обоихъ видахъ эксплуатацiи: эксплуатацiи въ погонѣ за прибылью и черезъ присвоенiе чужихъ странъ, т.-е. черезъ имперiализмъ и черезъ присвоенiе прибавочной стоимости. Подлой войнѣ, войнѣ капиталистически-имперiалистической мы должны противопоставить войну Священную, Войну-Возстанiе всего порабощеннаго, но пробудившагося уже къ новой жизни молодого Востока противъ порабощеннаго, гнилого и подлаго, въ имперiалистической своей части, Запада. Къ великому счастью для мiра, интернацiоналъ капитала, имперiализмъ, кроетъ въ себѣ внутреннiя противорѣчiя, которыхъ онъ не въ состоянiи благополучно разрѣшить для себя. Будемъ же мы, интернацiоналисты, умнѣе и дальновиднѣе и создадимъ Великое Сплоченiе и внутренно замкнемъ единую неразрывную цѣпь Революцiи, которую не разорвутъ никакiя силы Реакцiи. Создадимъ единый фронтъ антиимперiализма и обратимъ наши вождѣленные взоры не только на Западъ, но и на Востокъ.

ДОБАВЛЕНIЕ.

31-го октября сего года въ Москвѣ состоялось большое собранiе, на которомъ впервые былъ поставленъ вопросъ объ объединенiи всего революцiоннаго Востока на почвѣ борьбы съ имперiализмомъ и о коренномъ государственномъ и соцiальномъ его преобразованiи. Собранiе было устроено вновь образовавшимся Союзомъ Освобожденiя Востока и на немъ впервые была оглашена программа этого Союза, составленная авторомъ брошюры по порученiю инициаторовъ этого столь своевременнаго предпрiятiя.

Считаю поэтому не лишнимъ привести здѣсь текстъ этой программы полностью.

Принципы программы Союза освобожденія Востока.

А. Соціально-политическая часть.

1. Въ настоящее время во всѣхъ порабощенныхъ странахъ Востока идетъ то скрытая, то открытая, но всегда упорная борьба за освобожденіе отъ капиталистической кабалы чужеземныхъ державъ и за національное самоопредѣленіе туземцевъ, вплоть до государственной независимости и свободы.

Союзъ Освобожденія Востока задается цѣлью объединить всѣ разрозненные устремленія пробудившагося къ новой жизни Востока, дабы этимъ путемъ создать единый фронтъ антиимперіализма въ самой колыбели европейскаго имперіализма—въ Азіи.

2. Единственной реальной силой, способной на дѣлѣ осуществить эту цѣль, являются только трудящіеся классы Востока, а условіемъ развитія національнаго государства можетъ служить не буржуазно-капиталистическій, а соціально-трудовой строй. Великую задачу національнаго самоопредѣленія и государственнаго строительства, передъ которой нынѣ стоитъ весь огромный Востокъ, могутъ взять на себя и довести до желаннаго конца не его крупные собственники и князья, вовсе въ общемъ и цѣломъ не заинтересованные въ уничтоженіи западнаго имперіализма на Востокѣ, и не деклассированная и промежуточная интеллигенція, а трудящіяся массы Азіи, состоящія, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ, рабочихъ и ремесленниковъ. Въ своей программѣ и тактикѣ Союзъ Освобожденія Востока будетъ базироваться исключительно на трудящихся и эксплуатируемыхъ элементахъ Востока, и для сверженія какъ чужого, такъ и своего деспотическаго режима онъ будетъ организовывать именно эти многочисленныя пролетарскія массы и попытается создать, при особенныхъ условіяхъ, въ которыхъ приходилось и приходится жить и

развиваться различнымъ націямъ Востока, своего рода Интернаціоналъ Востока.

3. Въ виду чрезвычайной національной пестроты Востока и во избѣжаніе возникновенія и безъ того сильныхъ на Востокѣ національныхъ треній и междоусобицъ и на этой почвѣ появленія великодержавнаго націонализма, т.-е. попытокъ поглощенія слабой націи болѣе сильной,—и появленія, такимъ образомъ, чисто-азіатскаго «отечественнаго», въ родѣ, напримѣръ, японскаго имперіализма, стремящагося къ гегемоніи надъ всей почти Азіей, восточное междунаціональное объединеніе должно произойти на основѣ полнаго равноправія націй, населяющихъ территорію Азіи. А это значитъ, что межнаціональная организація должна быть построена на федеративныхъ началахъ. Начиная со сравнительно болѣе узкой федераціи какъ, напримѣръ, съ индійской, она можетъ дойти до болѣе широкой, до федераціи всего обширнаго азіатскаго материка,—до Соединенныхъ Штатовъ Азіи.

4. Освобожденіе Востока во-внѣ тесно связано съ освобожденіемъ его народностей и во-внутрь: будучи во-внѣ независимъ, государственный строй восточныхъ демократій долженъ быть построенъ на началахъ полнаго народовластія въ полномъ смыслѣ этого слова. Власть должна принадлежать всему народу, который трудится и эксплуатируемъ.

Симъ кладется въ основу государства не только принципъ здороваго націонализма, но и принципъ трудовой. Трудовая Республика,—вотъ высшая форма государственности, отвѣчающая и требованію національнаго, и принципу классоваго самоопредѣленія.

В. Соціально-экономическая часть.

5. Почти всѣ страны Востока, за исключеніемъ Японіи, и отчасти южнаго Китая, находятся еще въ стадіи до капиталистическаго существованія, и предпосылокъ соціализма въ западно-европейскомъ смыслѣ въ нихъ еще почти не существуетъ. И тѣмъ не менѣе также и здѣсь возможенъ вполнѣ объективно переходъ къ строю чисто трудовому.

Такими предпосылками являются, во-первыхъ, аграрный строй Азіи, основанный на первобытномъ коммунизмѣ (на общинѣ, въ Ин-

дiи извѣстной подъ именемъ «паншайата»), во-вторыхъ, концентрированiе земель въ рукахъ немногихъ магнатовъ и капиталистическихъ государствъ и, въ-третьихъ, современное международное положенiе.

6. Аграрный строй Азiи, въ особенности Индiи, основанный на общинномъ землевладѣнiи, ростѣ крупной собственности съ одной стороны и все увеличивающемся обезземеленiи и обнищанiи огромныхъ земледѣльческихъ массъ—съ другой, могутъ стать исходными пунктами аграрнаго движенiя на Востокѣ, которое легко можетъ принять форму аграрнаго соцiализма.

7. Такъ какъ крупными земельными собственниками,—владѣльцами копiй, рудниковъ, заводовъ и прочихъ важнѣйшихъ отраслей производства,—являются, главнымъ образомъ, иностранцы и иностранныя государства, то на второй день послѣ сверженiя иностраннаго ига, нигдѣ на освободившемся Востокѣ не окажется другой серьезной общественно-политической силы, которая была бы способна организовать власть и экономическую жизнь по-своему, кромѣ класса трудящихся, которому суждено сыграть и на Востокѣ крупнѣйшую роль. Переходъ всей власти отъ иностранныхъ капиталистовъ къ деревенскому и городскому пролетарiату означалъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и освобожденiе страны Востока отъ всякаго капитализма, а при относительной слабости и неорганизованности туземнаго капитализма—переходъ всей земли и всѣхъ нѣдръ въ обще-народное пользованiе трудящихся.

8. Такъ какъ восточная революцiя началась и еще сильнѣе разразится въ тотъ особо важный историческiй моментъ, когда Западъ въ лицѣ Россiи уже вступилъ въ перiодъ соцiалистическихъ революцiй, такъ что революцiя на Западѣ совпадаетъ съ революцiей на Востокѣ, то, несмотря на прочную свою культурную и техническую отсталость, послѣднему удастся перешагнуть черезъ голову собственныхъ феодаловъ и капиталистовъ, не имѣющихъ никакихъ объективныхъ шансовъ на развитiе, изъ до-капиталистическаго строя въ царство соцiализма, минуя мучительную стадiю капитализма.

Соцiализмъ имѣетъ свойство быть мiровымъ, международнымъ, и международное же положенiе будетъ толкать его стать таковымъ,—универсально-интернацiональнымъ.

Союзъ Освобожденія Востока будетъ отстаивать въ области соціальной-политики изъятіе изъ частнаго и буржуазно-государственнаго владѣнія поверхности, нѣдра и др. богатства земли и водныхъ пространствъ и передачу всего національнаго богатства въ общенародное достояніе, на основѣ, которая ближе всего подходитъ къ политическимъ условіямъ той или иной страны Востока.

9. Въ своей экономической политикѣ Союзъ Освобожденія Востока исходитъ изъ принципа естественнаго дѣленія международнаго труда и высшаго блага экономическихъ и техническихъ основъ отсталаго, преимущественно аграрнаго, материка. «Союзъ» поэтому не провозглашаетъ реакціоннаго девиза: «Азія—для азіатовъ», а, наоборотъ, онъ рѣшительно прокламируетъ свободу доступа и проникновенія въ Азію для всѣхъ тѣхъ, которые пожелаютъ мирно и культурными средствами эксплуатировать неисчерпаемые ея источники и вмѣстѣ съ тѣмъ развивать производительныя силы самихъ туземныхъ странъ Востока.

10. Но эта эксплуатація природныхъ богатствъ Востока не должна быть основана на монопольномъ владѣніи азіатскими колоніями, полуколоніями или «сферами вліянія». На мѣсто монополіи должно водвориться свободное соревнованіе и естественный отборъ экономически наиболѣе развитыхъ, технически наиболѣе совершенныхъ и соціально на наиболѣе высокой ступени развитія стоящихъ соперниковъ. Подобное соревнованіе можетъ только способствовать развитію производительныхъ силъ самихъ туземныхъ странъ Востока, создавая у нихъ наиболѣе совершенствованные пути сообщенія, развивая транспоръ, добывая изъ нѣдръ земли и ея поверхности руду и сырье, обрабатывая тутъ же на мѣстѣ, на фабрикахъ и заводахъ, всѣ или часть добытыхъ продуктовъ, занимая въ этихъ странахъ возможно большее количество рабочихъ рукъ и платя за сырье, товары и труды соотвѣтствующимъ эквивалентомъ, не гоняясь за сверхприбылью. Но такая экономическая международная политика Востока можетъ имѣть мѣсто только при сношеніяхъ съ соціалистическими государствами Запада, какимъ, напр., въ настоящее время является его авангардъ—Россійская Соц. Федер. Республика, не заинтересованная въ односторонней, эгоистической эксплуатаціи, а въ обоюдовыгодномъ товарообмѣнѣ и естественномъ развитіи національнаго труда. Словомъ, Союзъ Освобожденія Востока будетъ отстаивать свободное

соревнованіе общественнаго капитала техники и труда и всѣми силами бороться противъ монополіи и хищнической эксплуатаціи Востока.

С. Немедленныя мѣропріятія.

11. Коренное измѣненіе какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ отношеній на всемъ Востокѣ должно начаться съ ряда революціонныхъ дѣйствій, которыя сводятся къ слѣдующимъ немедленнымъ мѣропріятіямъ, проведеннымъ тѣмъ или инымъ революціоннымъ органомъ явочнымъ порядкомъ.

12. Всѣ зависимые или полузависимые отъ иностраннаго капитала и власти страны Востока объявляютъ всѣ государственные долги и всѣ военные займы аннулированными. Деньги, шедшія на порабощеніе Востока, не должны отнынѣ даваться самимъ же Востокомъ. Народы Востока не должны платить за плетку, которою ихъ такъ безпощадно били.

13. Всѣ желѣзныя дороги (въ томъ числѣ и стратегическія) и иные пути сообщенія, точно также телеграфъ и почта, гдѣ бы и для какихъ бы цѣлей все это ни было построено иностраннымъ капиталомъ, отчуждаются отъ послѣдняго и объявляются общенароднымъ достояніемъ той страны, на территоріи которой эти средства сообщенія и сношенія находятся. Построенныя на народныя деньги, эти столь важныя для развитія страны культурныя средства должны по праву принадлежать народу же.

14. Наряду съ отчужденіемъ желѣзныхъ дорогъ и проч. немедленно упраздняются всякія монополіи, концессіи и разныя привилегіи иностранцевъ, гдѣ бы онѣ ни были пріобрѣтены на материкѣ Азіи.

15. Совершенно отмѣняется система милитаризма, состоящаго изъ туземныхъ солдатъ и иностранныхъ инструкторовъ и офицеровъ. Туземный составъ восточныхъ армій немедленно и безусловно распускается, а иностранцы—офицеры, инструкторы и военные чиновники—изгоняются за предѣлы всего материка, какъ опасный и вредный элементъ. На мѣсто упраздненной постоянной арміи должна немедленно же быть введена въ цѣляхъ обороны страны система народнаго ополченія, основанная на всеобщемъ вооруженіи народа.

16. Ростовщичество, эта язва Востока, искореняется самымъ безпощаднымъ образомъ и замѣняется мелкимъ и безпроцентнымъ кредитомъ государства или коммуны.

17. Всякіе косвенные налоги отмѣняются и вводится прогрессивный подоходный налогъ.

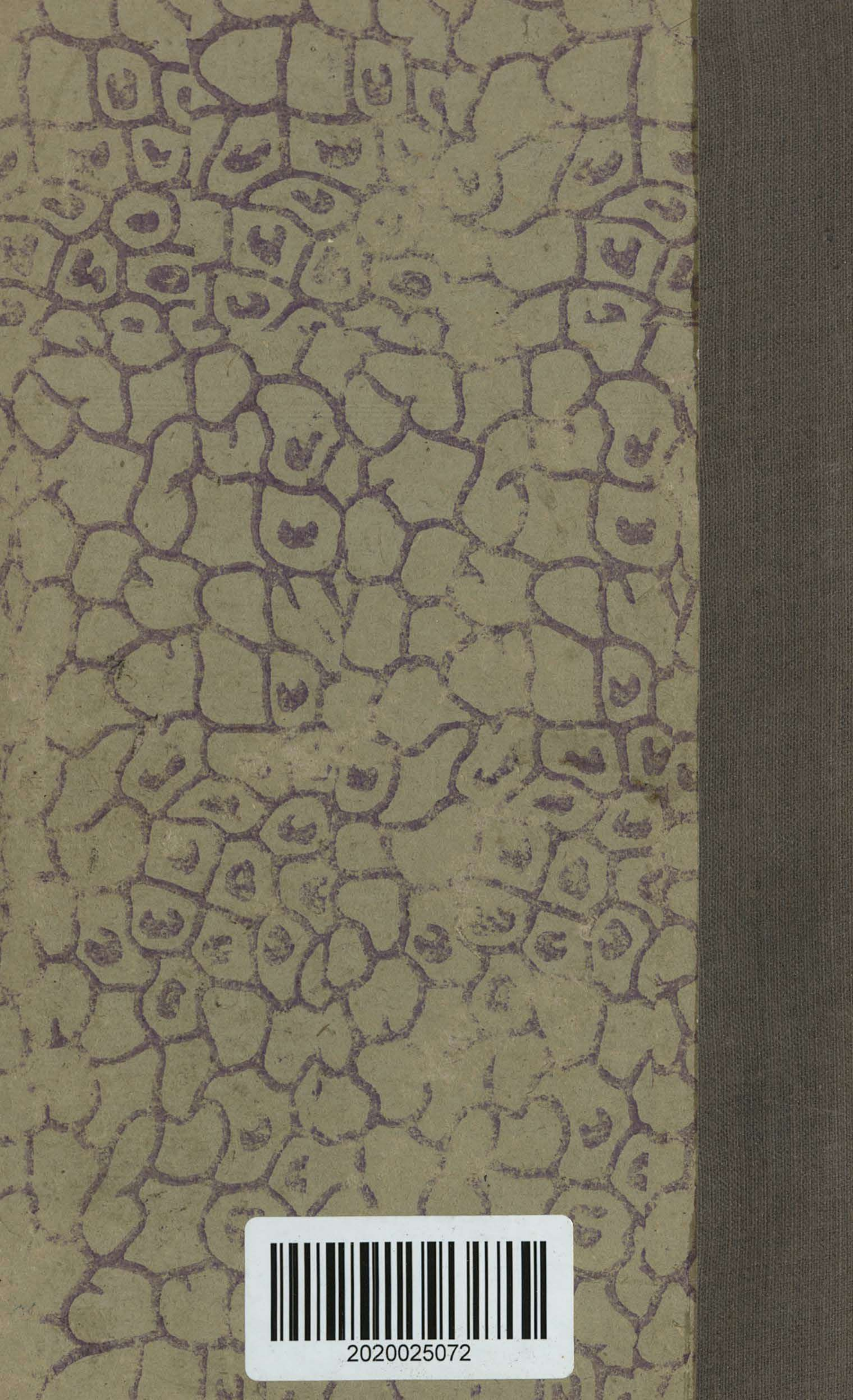
18. На всемъ огромномъ пространствѣ Азіи прокламируется полная свобода торговли, какъ для ввозной, такъ и вывозной. Для этой цѣли немедленно же отмѣняются пошлины и снимаются рогатки со всѣхъ границъ, раздѣляющихъ какъ страны Азіи, такъ и послѣднюю отъ всѣхъ остальныхъ странъ свѣта.

19. Величайшимъ антикультурнымъ зломъ всей Азіи является дѣленіе туземнаго общества на касты и сословія. Въ свободной Азіи не должно быть болѣе кастъ, личность должна быть освобождена навсегда и торжественно объявлено гражданское равноправіе.

Конецъ.

ЦѢНА. 3 р.

8

2020025072